

18+

НИКОГДА
НЕ ДОВЕРЯЙ
ПИРАТУ

СРЕЩЕННЫЕ КОСТУ

КИМБЕРЛИ ВЕЙЛ

Кимберли Вейл

Скрещенные кости

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44

Вейл К.

Скрещенные кости / К. Вейл — «Издательство АСТ», 2021

ISBN 978-5-17-137745-8

Звонит Кровавый Колокол, знаменуя собой смерть короля пиратов и начало Испытаний — захватывающего дух соревнования, наградой за которое становится Костяная Корона. Но только одному достанется желанный трон... И каждый готов пойти на любой риск, чтобы выиграть. Капитан. Сестра. Дева. Цилла Абадо намерена доказать свою силу опытным пиратам, которые недовольны ее юностью. И своей старшей сестре, что всегда жаждала стать капитаном. Цилла рискнет всем, чтобы стать первой королевой пиратов, чего бы это ни стоило. Хитрец. Сын. Наследник. Кейн Блэкуотер хочет навсегда отказаться от грязного золота и незаконных сделок, которые он совершал, чтобы сохранить корабль своего отца «Стальная жемчужина». Испытания дают шанс на новое начало, но ходят слухи о тайном наследнике, который может поставить крест на надеждах Кейна стать королем пиратов.

Безбилетный пассажир. Дочь. Шторм. Лорелея Пенни мечтает только о том, чтобы отомстить за смерть своей матери. Предполагалось, что Железный камень, который она хранила, приблизит ее к убийце, но вместо этого Лорелея оказывается втянутой в смертельную битву, где сталкиваются верность и желание. Цилла. Кейн. Лорелея. У каждого своя миссия. Однако у моря другие планы. Темные волны поднимаются, и если герои не будут осторожны, стихия поглотит их.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-137745-8

© Вейл К., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Об авторе	7
Часть первая	8
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кимберли Вейл

Скременные кости

Kimberly Vale
Crossbones

Дизайн обложки Елены Лазаревой

Copyright © 2021, Kimberly Vale

The author is represented by Wattpad

© Костянова А., перевод на русский язык

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Мечтателям: ищите путь только по собственному компасу
Лишь самые отважные смогут смело ходить по морям.*

*Лишь самые находчивые смогут повернуть течения вспять.
Лишь сильнейшие из благородных смогут покорить самые бурные
воды.*

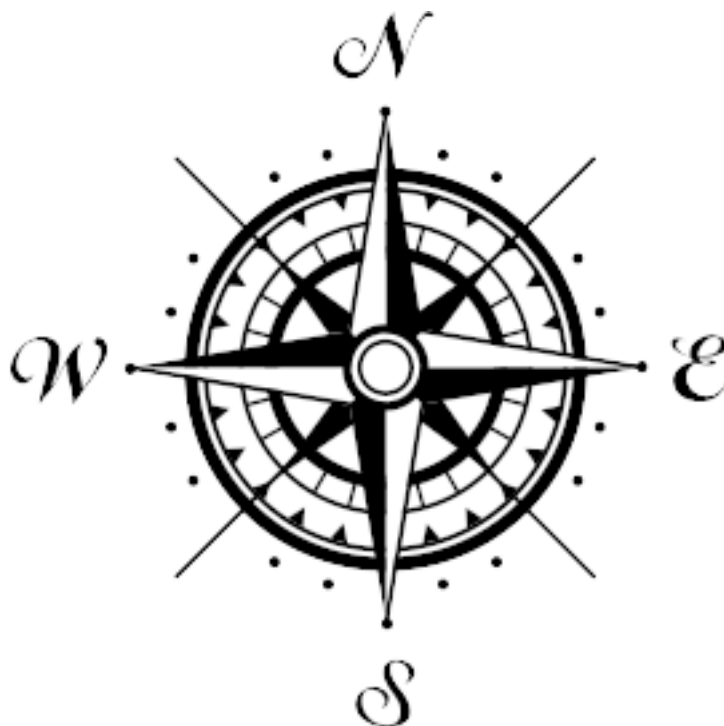
*Лишь чистейшие сердцем смогут сохранить наследие.
КАПИТАН БУРИ, ПЕРВЫЙ КОРОЛЬ КОСТЕЙ*

Об авторе

Кимберли Вейл любит читать, считает себя безнадежным романтиком и начала писать на Wattpad еще в подростковом возрасте. За прошедшие с тех пор годы она собрала миллионы прочтений в Интернете, работала волонтером в наставнических и других программах писательского сообщества.

Имея степень бакалавра в области образования, Кимберли преподает коррекцию дислексии в государственных школах и живет в Арканзасе со своим мужем, двумя детьми и двумя собаками. Ей также нравится играть в видеоигры, пробовать новые рецепты и придумывать нелепые теории о сюжетах любимых сериалов. Даже не пробуйте обсуждать с ней последний сезон «Игры престолов».

Часть первая Море и пламя

Глава 1

Цилла

Порт Барлоу

Поздний солнцепек

«Я сегодня не умру».

Невысказанные слова заполнили разум Циллы. Она никогда не задумывалась о смерти – какой в этом толк, когда ведешь такую жизнь, как у нее. Смерть приходила, забирала кого-нибудь и никогда не возвращала обратно. Девушку мало беспокоило, как она умрет, впрочем, она ожидала, что ее смерть будет кровавой и блистательной. *Не такой.*

Девушка шла сквозь толпу, ее запястья были крепко связаны за спиной, и ей до боли хотелось ощутить в руке кожаный эфес шпаги. Будь у нее возможность, она сражалась бы до тех пор, пока инцендианские солдаты не полегли бы все до единого, ну или пока с ее окровавленных губ не сорвался бы последний хриплый вздох.

Циллу со всех сторон окружал народ: в потрепанный непогодой внутренний двор форта набились до отказа буйные жители гавани, которые в обычные дни чем-нибудь торговали или наблюдали за шествиями солдат. Сегодня, однако, они станут свидетелями ее казни.

Впереди девушки шагали солдаты, прокладывая путь в толпе с легкостью ножа, входящего в масло. Для собравшихся зевак она была пятном на одежде, которое не отстираешь, чумой, от которой не избавишься. Всякий раз, как они пробегали взглядом по шрамам на ее коже, по ушам с несколькими сережками в каждом, по слепому глазу, в глубине их гнева вспыхивал страх, и оскорбления, которые они выкрикивали, становились громче.

Цилла не обращала на зевак внимания. Чтобы унять бешено бьющееся сердце, хватало отдаленного шума волн и солоноватого запаха моря – но это пока. Нельзя быть по-настоящему спокойной, когда надвигается шторм.

Время истекало. Вот уже впереди, в глубине двора, показалась виселица.

Если инцендианские чины из морского ведомства замыслили унижить ее в последние минуты, ничего у них не выйдет. Она держала голову высоко поднятой и ступала с достоинством. Никто не увидит ее дрожащей. Никто не увидит ее сломленной. Они увидят девушку, которая гордится своим пиратским наследием, девушку, для которой лучше умереть у всех на виду, чем зачехнуть в тюрьме.

– Мерзкая пиратка! – провопила какая-то женщина; крик пронесся над толпой, рассекая шум глумления, как отточенный клинок.

Цилла повернула голову и посмотрела направо, ее здоровый глаз остановился на женщине с изможденным лицом – та оскалилась в ответ. Женщина стала пробираться сквозь толпу, следуя за солдатами, которые вели Циллу, то и дело толкая ее. В какой-то момент женщина

остановилась, сняла туфлю и швырнула ее в Циллу – туфля больно ударила по щеке. Девушка оставила без внимания жгучую боль, презрела она и смех с издевками, доносившиеся из толпы.

В Цилле вспыхнул гнев и начал разрастаться со скоростью лесного пожара. Да пропадите вы все пропадом в Лимбе, ей больше бояться нечего. Она замерла на месте, дернула на себя веревку, связывающую ее с солдатом, и вонзила в женщину взгляд. Когда их глаза встретились, женщина съежилась, отвела свои и уставилась в землю. Не первый раз Цилла видела такую реакцию, поэтому обычно она носила повязку, которая прикрывала ее слепой белый глаз, но сегодня она радовалась своему изъяну. Сегодня она радовалась, что солдаты не разрешили ей надеть повязку.

– Собель лиитена шобенаску. Собель миитеса яхаррен ето, – проговорила Цилла; она повторила слова проклятия, которое сделало ее наполовину слепой.

Лицо женщины сделалось белым, как паруса купеческого судна, когда же она поняла, что Цилла произнесла проклятие, глаза ее округлились от бешенства. В крови девушки не текла магия, способная воплотить злые слова, но женщина ведь этого не знала. Слабое удовлетворение, но и оно отдалось теплом в Цилле, хотя солдаты продолжали тащить ее вперед, а их пальцы – впиваться в руки, добавляя новые синяки.

– Ведьма! – завизжала женщина. – Пиратка-ведьма! Чтоб тебе пропасть в Лимбе!

Лимб. Гавань для душ. Стоит заблудшей душе после смерти пришвартоваться там, и ей не покинуть Лимб больше никогда. Вполне возможно, именно туда и направится душа Циллы сегодня.

– Там и свидимся с тобой. – Она встретилась с женщиной взглядом, губы девушки искривились в ухмылке.

Небо затянула плотная пелена облаков, но в воздухе по-прежнему разливалась жара Солнцепёка, свойственная этому времени года. Из-за густого и влажного воздуха на затылке Циллы собирался пот и, подобно речной змее, скользящей по воде, струился по позвоночнику. На девушке были только грязные лохмотья, которые ей милостиво пожаловал форт, после того как ее вырвали из постели того, кто предал ее, и лишили всех вещей и оружия. Хотя ткань царапала кожу, и это сильно раздражало, она испытывала извращенное удовлетворение, представляя, каково приходилось солдатам в брюках военного образца, под многими слоями украшенной в пух и прах одежды, как они мучались от влажности. Пот стекал по их вискам, пропитывал воротники, оставлял пятна под мышками.

Один из солдат толкнул ее, побуждая идти. Толпа расступилась, и Цилла похолодела: перед ее глазами предстала виселица. К горлу подступила тошнота, внутренности чуть не вытолкнули кусочек хлеба, съеденный вчера. Петля качалась вперед и назад, будто часовой маятник, отсчитывающий ее последние мгновения, и вся прежняя уверенность вытекла из Циллы, как кровь из свежей раны. Вид возвышающегося перед ней деревянного эшафота с качающейся петлей вновь пробудил ее самые страшные ночные кошмары, самые глубокие неизъяснимые страхи. Девушка задрожала, представив свое извивающееся тело, скрюченные пальцы, хватающиеся за горло... глаза, которые еще долго останутся открытыми после того, как уйдет душа.

Солдат снова и снова толкал ее вперед, пока она не оказалась у подножия деревянной лесенки.

Мир накренился – Цилла поморгала, но даже здоровым глазом не стала видеть лучше. Крик застрял в горле, желудок сжался в твердый, как камень, комок. Девушка изо всех сил старалась придерживаться наставлений бабушки, полученных на палубе «Алой Девы»: «Живи без страха. Любую угрозу встречай клинком и усмешкой». Взгляд ее с трудом скользнул по эшафоту, но ноги подниматься отказывались. Страх был якорем, который крепко держал Циллу, не давая течению ее унести.

Капля теплого дождя упала на щеку девушки, когда Цилла сделала первый шаг навстречу смерти. Пока солдаты дотолкали Циллу до петли, тучи разверзлись и хлынул ливень; он охлаждал разгоряченную кожу.

Зрители натянули капюшоны, но Цилла дождю порадовалась. Палач затягивал петлю на шее девушки, а она откинула голову назад и позволила воде смывать с нее грязь и сажу, которые налипли на коже за те дни, что она провела в камере.

Веревка, стягивающая запястья, резала кожу, но Цилла вновь и вновь пробовала ослабить узел, завязанный одним из солдат. Она крутила руками и так и сяк, пытаясь освободиться, пока острое лезвие не уперлось ей в спину и не заставило замереть.

– По приказу короля Инцендии, – провозгласил солдат. Его глаза бежали по свитку так, будто он читал, но слова размыло, и они стекали темными чернильными каплями с края промокшего от дождя пергамента. Солдат, должно быть, повесил столько пиратов, что уже знал написанное наизусть. Его голос гремел и разносился по всему двору. – Все лица, связанные с пиратством, будут привлечены к ответственности без суда и следствия.

Цилла осматривала верхний ярус форта в поисках Роды и других Алых Дев. Девушка уповала на то, что сестра и команда придут ей на помощь, как поступила бы она, случись беда с ними, но никого не видела, и это лишь подтверждало: не все в Морских Сестрах поддерживали самого молодого капитана. Команда сдалась, но что еще хуже – они оставили ее умирать в этом богами забытом королевстве. Взгляд Циллы метался туда и сюда, вниз по лестнице, к воротам, искал среди зевак у помоста, – куда только ни кидался. С надеждой – что ошибается. С мечтой – что промелькнут туго заплетенные косы сестры, хитрые улыбки подруг.

Но нет, их не было. Циллу словно ударили в грудь, колени ее задрожали, сердцем овладело глубочайшее, жесточайшее одиночество.

И вдруг взгляд девушки упал на одного человека в толпе: голова без капюшона, со светлых волос капает вода, губы расплылись в знакомой улыбке, слишком хорошо знакомой. От вида блондина внутри Циллы все загорелось – поднялся гнев, достаточно сильный, чтобы заглушить боль в груди.

В другое время, в другом месте, которое она похоронила глубоко-глубоко в своей памяти, увидев в здешней толпе эти глаза цвета морской волны, она бы почувствовала облегчение и, возможно, позволила бы себе в них утонуть, а он пусть спасает ее от несправедливой смерти.

Но в эти минуты, учитывая то, как развивались события, он находился здесь не для того, чтобы спасти ее. На самом деле именно из-за него Цилла и оказалась перед лицом смерти.

Флинн Ганнисон – человек, который ее предал.

Это было все равно, как если бы он самолично затянул петлю на шее Циллы. И после того как предал ее доверие, их дружбу и то, что могло бы быть между ними, у него хватило наглости смотреть ей прямо в глаза. Девушка гордо вздернула подбородок. Она не позволит Флинну увидеть, как больно он ее ранил.

Цилла винила и себя в некоторой мере – за то, что была так глупа, за то, что неделю назад позволила Флинну, его прикосновениям, порождающими в теле огонь, затащить себя в постель. Может, свою роль сыграло его очарование. Может, виноват ром. Что бы то ни было, ценой стала ее жизнь.

Солдат снова заговорил, и желудок Циллы сжался в комок, девушка оторвала взгляд от предателя Флинна.

– Цилла Абадо из Макайи, капитан корабля «Алая Дева», участница заговора против Короны, пират по духу и пират по крови, приговаривается к казни через повешение за шею, – провозгласил он.

Промокший свиток порвался по краям, но солдат все-таки сумел свернуть его, спустился по лесенке с эшафота и удалился. Никто не радовался. Никто не хлопал в ладоши. Дождь продолжал поливать Циллу, вода пропитала одежду, капала с кончика носа. Повешение сломает

ей шею, и если по какой-то случайности не убьет, она все равно задохнется, и скоро. Эти мысли не помешали ее пальцам отчаянно вцепиться в веревку в попытках сорвать ее.

Цилла еще раз закрыла глаза и вознесла последние молитвы Морским Сестрам. Она просила Анафину милостиво провести ее душу через Лимб в Загробный мир. Она умоляла Талону дать ей сил в предсмертные минуты, и хотя команда и сестра бросили ее, помолилась и за команду, и за Роду, которым придется жить без нее. Наконец, она заклинала Иодею отомстить за нее и обрушить на Порт Барлоу свирепые и высокие волны, выше любой башни, которую они могли бы построить, выше, чем Обсидиановый дворец в их столице.

Вдруг предсмертное желание Циллы удержит Инцендию от дальнейшего вторжения в Церулию – островное королевство. Если инцендианский король добьется своего, пиратский флот Церулии упокоится на дне моря, а вместе с ним пойдет прахом и все то, за что они боролись. Кроме золота, конечно. Алчный король приберет к рукам все до последней монеты.

Позади нее раздались шаги палача – тяжелая поступь, под которой скрипел помост. Цилла тяжело задышала, считая каждый вздох. Руки девушки сжались в кулаки, ногти вонзились в ладони так, что оставили на них следы-полумесяцы, – она старалась держаться стойко до самой последней секунды.

Щелкнул рычаг – и под девушкой распахнулась деревянная створка.

На мгновение – перед падением – все замерло, дыхание – перехватило.

Сначала сердце ухнуло вниз, за ним – полетели ноги. Вся эта человеческая толпа, их гневные крики заставили Циллу неистово пожелать себе упасть с такой силой, чтобы шея сломалась. Быстрая смерть. Жадные до зрелища людишки не заслуживают видеть, как она бьется за каждый вздох.

Промелькнул всего лишь миг, но пока он длился, в голове пронеслись, словно горсть листьев, летящих по ветру, воспоминания. Цветущие верхушки деревьев в джунглях Макайи. Бабушкины окрики на палубе, резкие, властные, ее было слышно даже сквозь грохот волн. Искорки в темно-карих глазах матери, они горели, даже когда она, больная, лежала в постели и умирала. И нежность Роды к ней, которую она никогда никому больше не дарила.

Прекрасные картины одна за другой сменяли друг друга – вдруг что-то тихо просвистело над головой девушки, и вместо того, чтобы резко повиснуть, она продолжала падать, веревка на шее все никак не затягивалась. Удар о землю был силен, ноги под весом Циллы подогнулись, она упала и стукнулась головой о камень.

Воздух вокруг нее сгустился в облако с острым запахом, горло от него стало зудеть. Может, она все-таки сломала шею при падении и умерла? Может, так пахнет смерть?

Цилла открыла глаза, но облако не рассеялось. Она поморгала, еще – и поняла, что дело было не в зрении, а в дыме. Из-за него она задышалась. Каким-то чудом в этот раз ей удалось избежать смерти.

Руки оставались связанными, девушка попыталась сесть, но у нее не получилось, в лодыжке запульсировала немилосердная боль. Закусив губу, чтобы не застонать, Цилла перекатилась, встала на колени и, придерживая подвернутую ногу, выглянула из-под эшафота.

Девушка увидела совершенно обезумевшую толпу. Женщины визжали, каждая, стараясь вырваться вперед, чтобы первой уйти от опасности, набрасывалась на подругу по несчастью и царапалась, им мешали собственные грязные юбки, о которые они спотыкались. Как и женщины, мужчины в большинстве своем устремились к воротам форта; раскрыв глаза пошире, они на бегу выискивали угрозу. Солдаты покинули все свои посты внутри форта и держали шпаги наготове. Они пытались добраться до Циллы, но паникующая толпа оттеснила их от виселицы.

Петля все еще оставалась у Циллы на шее, девушка взглянула на другой конец веревки. Она лежала на камне и вид имела потрепанный. Дым вокруг Циллы поредел, она подняла глаза, осмотрела крепостную стену и обнаружила маленький кинжал, вклинившийся между

двумя камнями. Только один человек мог метнуть кинжал с такой точностью, чтобы перерезать веревку. Тот самый, что практиковался в метании кинжалов, всаживая их в кукол Циллы, когда они были детьми.

Ее сестра.

С сердца Циллы свалился тяжкий груз, и девушка снова задышала легко. Как она могла забыть, что Рода слишком склонна к театральным жестам, чтобы просто расправиться с конвоем по дороге в форт или вытащить ее из камеры в ночь ареста. Это вполне в духе сестры – подождать, чтобы устроить из спасения целый спектакль и сорвать аплодисменты. Рода временами бывала грубиянкой и эгоисткой, но семью не выбирают, и сестра – это все, что у Циллы осталось. Не следовало, конечно, сомневаться в Роде, но она хотя бы могла спасти ее *до* повешения.

– Цилла, – раздался сзади резкий шепот, одновременно клинок перерезал веревку на запястьях, и руки освободились. – Шевели давай лапами. У нас тут побег, между прочим. Грандиозный, можно сказать.

Цилла стащила петлю с шеи и повернулась к старшей сестре лицом; морщась от боли, она заставила себя встать, но поврежденная лодыжка вновь подогнулась.

– Быстро не получится. У меня лодыжка адски болит.

– Ну что ты как маленькая?

Рода вразвалочку направилась к Цилле, сестра покосилась в сторону, и глаза ее расширились. Рода завела руку за спину, выхватила из-за кожаного пояса кинжал и метнула его в сторону Циллы. Клинок просвистел мимо уха, из-за плеча раздался глухой удар, за ним последовали булькающие звуки. Рода прикончила солдата, но Цилла все еще была недовольна.

Сестра выдернула кинжал из груди стражника и малиновым платком, висящим у нее на поясе, вытерла кровь с лезвия. Цилла спросила:

– Ты что, не могла меня предупредить?

Девушка уже приноровилась стоять самостоятельно, не прибегая к помощи Роды: она перенесла большую часть веса на правую ногу, левая касалась земли лишь самым кончиком башмака.

– Все, ты закончила скулить, малая? – отозвалась сестра; она пристроила кинжалы за пояс и потянулась к завязкам своего алого плаща, развязала узел. Рода стянула плащ с плеч, набросила его на Циллу и подняла капюшон, чтобы скрыть ее мокрые волосы. Сестра вынула из блузки другой капюшон и спрятала под ним свои две косы, после чего обхватила Циллу за талию, и они двинулись вперед.

– Спасибо, Рода, – сказала девушка, когда сестра помогла ей дохромать до выхода из-под укрытия эшафота.

– Ты ведь не думала, что я позволю тебя повесить, нет? – спросила Рода, и в тоне ее не было насмешки. Она наклонилась вперед, посмотрела налево, затем направо. – Ты моя сестра. Я всегда буду рядом, чтобы спасти тебя, когда ты во что-нибудь вляпаешься.

Цилла обратила внимание, что Рода не назвала ее капитаном; скорее всего, так никогда и не назовет.

Цилла собралась с духом, они покинули укрытие помоста и протолкались вглубь хаотично двигавшейся на своем пути к спасению людской массы. Одни солдаты все еще пробились сквозь толпу, в то время как другие искали того, кто перерезал веревку. Дым рассеивался, и вот уже у солдат появилась возможность стрелять прямо по виселице, как раз туда, где мгновение назад находились Цилла и Рода.

– Она сбежала! Пиратка сбежала! – закричал солдат прямо позади сестер.

Рода прибавила шаг, Циллу она прямо-таки тащила за собой. Сама девушка не щадила левую ногу и переносила на нее как можно больше веса, стараясь не обращать внимания на острую боль, выстреливающую при каждом шаге. «Я сегодня не умру, – снова и снова повто-

ряла она про себя. – И Рода сегодня не умрет. Я не умру, пока Флинн Ганнисон за все не заплатит».

– Где наши? – шепотом спросила у сестры Цилла.

– Близнецы здесь, – прошептала Рода в ответ. – На всякий случай держат наготове дымовые шашки. Остальные на корабле с Нарой.

Цилла кивнула и, сдерживая крик, крепче обхватила Роду за талию. У девушки снова подвернулась больная нога. Мир закружился, перед глазами поплыли пятна. Ей нужно выпить воды. Ей нужно поесть. Она не помнила, когда в последний раз как следует ела. Но надежду на спасение терять нельзя, иначе Рода вместо старых кукол использует в качестве тренировочной мишени ее. Еще немного, и они будут свободны, они будут дома. Если им удастся пройти через открытые ворота и добраться до корабля, она даст лодыжке столько времени на отдых, сколько потребуется.

– Найти ее! Найти сообщников! Не выпускать из форта живыми! – проорал кто-то.

Толпа кишела солдатами, несколько из них, пробираясь мимо в этом людском хаосе, задела Циллу. Она, наставляя команду, всегда говорила им сохранять спокойствие, каким бы тяжелым ни было положение, встречать ледяной ветер с высоко поднятой головой, стиснуть зубы и глубоко вдохнуть, когда захочется завизжать и сдаться. Ее девушки никогда не переставали сопротивляться, никогда не поднимали белый флаг.

Но только поглядите на нее, их капитана: лодыжка пульсирует от боли, дух сломлен, слезы пощипывают уголки глаз, как у какой-то слабой девчонки.

Один из солдат внимательно всматривался в спешащих мимо мужчин и женщин и остановился прямо перед Циллой и ее сестрой. Их лица прятались в тени капюшонов, он выгнул бровь, его глаза с любопытством перебегали с одной на другую.

– Снимите капюшоны, – приказал солдат. Сестры попытались обойти его – он приблизился еще. Они не подчинились – солдат направил шпагу на Циллу. – Я сказал, снимите капюшоны.

Рода вздохнула, и воздух наполнился шипением. Струи густого белого дыма поднялись из разных мест в толпе и вновь вызвали визг и вопли у жителей гавани. Дым почти сразу же окутал сестер и скрыл их от посторонних глаз. Не теряя времени, Рода забросила руку Циллы себе на плечи, это сняло часть нагрузки с больной лодыжки. Кто-то прижался к Цилле справа и подхватил девушку под другую руку. У Циллы екнуло сердце, но аромат мяты – ее листья любила жевать Серафина – успокоил.

Солдаты выкрикивали приказы, но в такой неразберихе сделать ничего не могли. Они были как слепые котята. Дым поднимался в небо, валил из ворот форта, делая беглянок невидимыми, а людское море между тем несло их вперед. Солдаты кричали где-то позади, их ругань становилась тише по мере того, как Цилла и ее команда спускались с холма к гавани.

Выбравшись из толпы, Рода и Серафина повели Циллу вниз по боковой тропинке. Перед ними внезапно выросла близняшка Серафины, Розалина; она пошла впереди, указывая им путь, ее темные кудряшки подпрыгивали в такт шагам. Она завела руку за спину, готовая в случае необходимости обнажить спрятанные клинки; пока же рука оставалась расслабленной. Если бы дошло до дела, она, подчиняясь кодексу чести Алых Дев, защищала бы Циллу, а не собственную сестру.

В поле, в стороне от тропинки, стоял небольшой фермерский дом, его окружала высокая трава с маленькими белыми цветами в ней. Цилле показалось, что в открытом дверном проеме стояла женская фигура и смотрела, как Девы мчатся, как ветер, к морю, ее длинные темные волосы и юбки развевались. Цилла знала, что незнакомка, наблюдающая за ними, не имела по большому счету никакого значения, но, прежде чем они обогнули холм, что-то в глубине души заставило ее бросить взгляд через плечо на эту девушку.

Наконец показалось море, а с ним и еще одно славное зрелище – «Алая Дева», с малиновыми парусами, хлопающими на ветру, готовая к отплытию. Никогда еще Цилла не была так рада видеть свой корабль, даже когда впервые ступила на его палубу в качестве капитана. Корабль с самого детства был ее домом, домом больше, чем какое-либо другое место в мире. Ей были необходимы запах дерева, ветер, обдувающий лицо, ощущение солнца на коже и открытое море.

Корабль закрывала небольшая скала, и он не был виден шумным обитателям оживленной гавани. Цилла с подругами приблизились к краю утеса, внизу, покачиваясь на волнах, их ждала «Алая Дева».

Цилла вглядывалась в волны, разбивающиеся о зубчатую скалу. Свобода была почти у них в руках, оставалось только прыгнуть с довольно высокой, острой и жутко пугающей скалы. Приподняв бровь, она сказала, обращаясь к Роде:

– Не могла не выжать всю драму, какую только можно, да?

Цилле вспомнился случай, когда сестра взорвала военный корабль в торговом порту – просто потому, что могла.

– Ой да заткнись ты, – проворчала Рода. – В Макайе, когда были детьми, мы прыгали и с более высоких скал. Так что? Тебя столкнуть или сиганешь сама как большая девочка?

Цилла метнула в сестру взгляд, который убил бы, будь он кинжалом, и отступила назад, чтобы иметь достаточно простора: она собиралась прыгнуть ласточкой. Девушка уже согнула ноги в коленях, но кто-то захлопал в ладоши, и это ее остановило.

– Bravo, – прозвучал за спиной знакомый голос. Она бы узнала этот мягкий медовый тон из миллиона. Именно он заманил ее в постель, ну, еще нежные глаза в этом участвовали, и губы, даже более нежные, чем глаза.

Цилла обернулась и посмотрела на капитана «Анафины» – человека, который едва не разбил ее сердце вдребезги. От шпаги девушки народу погибло немало, однако убивать ей никогда не нравилось, но вот Флинна она разорвала бы на кусочки с превеликим удовольствием.

Как вообще можно было позволить ему довести себя до такого? Она оказалась такой доверчивой, такой наивной; ни за что не повторит эту ошибку вновь.

– Ах ты ж, сукин... – начала было Цилла.

– Тс, тс, тс, – прервал девушку Флинн. Он улыбнулся и погрозил ей пальцем. – Наши матери тут ни при чем, так что, пожалуйста, не впутывай сюда мою. Я тоже могу брякнуть какую-нибудь гадость о твоей матери, но ради тебя прикушу свой язык.

Вдалеке раздавались крики, они делались громче с каждой секундой. Если бы только можно было утащить его с собой на «Алую Деву», она бы утатила, но самой бы до корабля добраться, при ее-то нынешней немощи.

– Я убью тебя, Флинн Ганнисон, – как же восхитительны были эти слова на вкус. – Я найду тебя. Затаюсь. Застану врасплох. И прикончу.

Флинн усмехнулся так, будто был уверен, что угрозу свою она не исполнит.

– Можешь ненавидеть меня сколько влезет, но я собираюсь свидеться с тобой очень скоро.

Внутри у Циллы все перевернулось, слова Флинна напомнили о том времени, когда она с волнением и радостью ждала встречи с ним, но сейчас девушка лишь жаждала отомстить ему за предательство.

Цилла повернулась и прыгнула со скалы, даже не поглядев на Флинна напоследок. Ветер сдул с ее головы капюшон, отбросил волосы назад, вздыбил плащ у нее за спиной, вода окутала ее, как одеяло, когда она погрузилась в море. Вынырнув на поверхность, девушка посмотрела на скалу: члены ее команды прыгали в воду.

Флинн стоял на краю утеса и махал рукой на прощание. Ну, живи пока.

Глава 2

Кейн

Балтесса

Ранний Красновей

Звук удара костяшек пальцев Кейна Блэкуотера о нос соперника был подобен грохоту стартового пистолета перед гонкой, подхватившее его эхо внесло оживление в собравшуюся толпу. Мужчины вокруг разразились какофонией проклятий и гортанных выкриков, расталкивая друг друга локтями, чтобы лучше видеть бойцовую яму. Когда-то, много лет назад, он и сам был наверху среди жаждавших насилия.

В подвале таверны Грисби было легко потерять разум от острых ощущений, наблюдая за схваткой двоих – кулаком в лицо, коленом в живот. Даже Цилла и Рода Абадо прыгали в яму, чтобы немного поразвлечься, но чаще всех дрался Кейн – каждый раз при посещении островной столицы Балтессы он устраивал целое шоу, чтобы набить свой кожаный мешочек золотыми монетами. Сегодня вечером его карманы будут переполнены церулианским золотом.

Кровь струилась из носа противника, стекая на верхнюю губу. Кейну стало жаль этого человека – Сайласа, кажется, – ведь впереди его ожидал лишь новый град ударов. Дать толпе то, за что они платили Грисби, проще простого. Возможно, костяшки Кейна будут разбиты в кровь, но, по крайней мере, с помощью заработанного золота ему удастся рассчитаться с долгом Доминику Роуву – капитану «Костяного Пса». Заключать с ним сделки было равносильно договору с дьяволом. Кейну и одного плохо пахнувшего дельца оказалось более чем достаточно. Некоторые вещи он предпочел бы похоронить на дне Серебряного моря.

Толпа наверху одобрительно ревела и топала, громяхая деревянными досками, которые ограждали бойцовую яму, заставляя пыль клубиться в воздухе. Глаза Кейна слезились, и он утер лицо тыльной стороной ладони, размазывая грязь по щеке. Это движение вызвало легкое пощипывание, так как кожа еще оставалась стянутой от солнца, жарившего во время его путешествия.

– Наваляй ему, Сайлас! – крикнул кто-то. – Не стой столбом!

Сайлас оскалил зубы и рванулся вперед, ударив Кейна кулаком в лицо. В нем кипела ярость, не оставляя ни капли благоразумия. Кейн сделал шаг в сторону, ухмыльнувшись, когда мужчина, как несущийся на всех парах кабан, пролетел мимо. Сверху донеслись хриплые издевки и смех. Сайлас зарычал, развернувшись к Кейну лицом. Ещё удар, и снова промах. Кейн ответил, ударив Сайласа в подбородок, скользнув по скуле.

Мужчина оступился, предоставив Кейну лазейку. Широко размахнувшись, тот ударил тем особым способом, которым отец пользовался во время их жестоких тренировок. Попад Сайласу по ребрам, он проломил их. И снова с замаха нанес удар, вложив в него весь свой вес.

Кулак угодил Сайласу в челюсть. Из рта его хлынула кровь, а тело дернулось в сторону, как сломанная деревяшка.

Снова раздались аплодисменты.

Но Кейн еще не закончил.

Он сделал два шага назад, толпа притихла. Ринулся вперед, ударив с разворота так точно, что у Сайласа не осталось ни малейшего шанса. Звук удара головы об пол эхом отразился от стен пыльного подвала.

Один вдох.

Два вдоха.

Вот черт. Не слишком ли рано закончил бой?

Он сжал кулаки и покрутил шеей, чтобы хоть немного снять напряжение. Ему было плевать, оценила ли толпа жестокость, ему просто было нужно проклятое золото. Кто-то начал хлопать, и его напряженные мышцы расслабились.

Один вдох.

Два вдоха.

Подвал взорвался оглушительным ревом одобрения – самым громким из всех, что доводилось слышать Кейну после своих схваток.

Слава богине.

Оплата от Грисби сегодня вечером будет внушительной, и этого будет достаточно, чтобы Костяные Псы Доминика Роува не дышали ему в затылок, требуя погашения его последнего... заема. Ненавистный капитан всегда выбивал долги. Будь Кейн другим человеком, Роув уже был бы убит в темном переулке. Фамилия Кейна спасала его бесчисленное количество раз, имя Блэкуотер было хорошо известно на протяжении всей истории капитанов. Как командир корабля «Стальная жемчужина», Кейн пользовался благосклонностью правителя Церулианских островов – Короля Костей.

Кейн поднял окровавленный кулак, отвечая чествующим его людям. Он представил, как толпы будут рукоплескать ему точно так же, если он когда-нибудь окажется на троне, надев Костяную Корону. Красивая вещь, сделанная из костей старинного врага, облитая жидким золотом, известная по всему миру, неважно, кто каким божествам молился.

Представляя себя с короной на челе, он погрузился в мечты, которым не суждено было сбыться. Если бы он был Королем Костей, то изгнал бы Доминика Роува из королевства и лишил бы его титула капитана флота. Этот жалкий морской щенок не заслуживает места за украшенным золотом штурвалом «Костяного пса». Он пробил себе дорогу, верша темные делишки, в то время как руки его команды были по локоть в крови, его собственные оставались чистыми.

Но шансов на то, чтобы Кейн когда-либо стал королем, было довольно мало. При живом церулианском короле и отсутствии у Кейна королевской крови мечты о низвержении Роува оставались всего лишь мечтами. Единственное, что ему оставалось, наслаждаться моментом и притворяться, что аплодисменты звучат в честь этой его мечты.

А потом он услышал.

Сначала звук был слабым, словно гомон экипажа, заглушаемый хлопаньем парусов. Но по мере того как голоса стихали, он становился яснее. Вдалеке раздавался глубокий звон колокола. Мелодия отличалась от тех, с которыми он успел познакомиться ранее, но каким-то образом ему была знакома эта песня – он нутром чуял, что знает ее.

– Король! – крикнул кто-то, напугав Кейна. – Это король!

Его лицо оставалось непроницаемым. Король. Колокол. Неудивительно, что он не признал погребальный звон. Он не слышал Кровавый Колокол с детства.

Кейн бросился к веревочной лестнице, свисавшей с верхнего края ямы, оставив Сайласа стонать на земле. Ему нужно будет вправить нос и он, вероятно, не сможет встать с кровати

несколько дней, но с ним все будет в порядке. Кейн не виноват, что этот идиот не понял, на кого нарвался. Большинство здравомыслящих людей не полезли бы в яму с капитаном «Стальной Жемчужины», но некоторые, знавшие его в юности, считали, что смогут использовать его как мальчика для битья. Они всегда ошибались.

Выходя, он сделал знак пьяному Грисби, что вернется за платой, и последовал за людским потоком вверх по лестнице в таверну. Кейн пытался прислушиваться к сбивчивым разговорам, но уловить их суть было практически невозможно.

– Может, убийство? – спросил один мужчина своего друга. – Все так неожиданно.

– Кто займет его место? – поинтересовался другой.

– Наследника нет? А что на счет последней из Штурмов? Им удалось ее обнаружить?

Громкие голоса сливались в единый неразборчивый гул. Кейн выбежал из дверей таверны в город.

Он как будто окунулся в омут воспоминаний.

Ровно в этом же месте он стоял девятилетним мальчишкой. Как вкопанный. Врос в бок отца, хотя ему там были не рады. Кейн вспомнил, как поглядывал на него из-под черных прядей волос. Они остановились посреди рынка, и это было странно. Ничто не могло остановить его отца в поисках хорошенького дельца в Балтессе. Он походил на гончую, вынюхивающую драгоценности в грудке щебня. Но звон Кровавого Колокола прервал его охоту так внезапно, что Кейн на мгновение испугался.

– Капитан? – спросил маленький Кейн, дергая отца за руку, пытаясь вырвать его из оцепенения. – Отец, что это?

Кейн не получил ответа. Он никогда не получал от отца ничего, кроме жестоких тренировок и двухразового питания, с шестилетнего возраста, и уже давно научился ни о чем не спрашивать. Он не осмелился повторить вопрос, вместо этого последовал за своим хромым отцом.

На этот раз Кейн не следовал ни за кем – сам задавал курс. Пробираясь по улицам, он не мог не заметить, что настроение в Балтессе было таким же, как в тот день десять лет назад. Печальные лица сливались в море отчаяния из-за смерти короля, которого они никогда не знали лично и который служил их лучшей защитой от посягательств королевства Инцендиан.

Кейн почувствовал тепло, расходящееся по руке, будто ладонь отца, в которую он вцепился изо всех сил, и сейчас сжимала его руку. Тогда, много лет назад, когда Кейн поднял голову, то увидел, что отец наблюдал за ним. В его глазах светилось отчаяние и жалость – слишком сложно для понимания мальчишки, каким Кейн был в то время. Его отцу не нужно было произносить это вслух. Он думал о смерти женщины, которую они оба любили больше всего на свете.

Кейн всегда возвращался мыслями к ней, когда сталкивался со смертью, даже сейчас, когда Кровавый Колокол возвестил о смерти пиратского короля.

Колокол продолжал звонить со своего насеста, возвышавшегося над шпилями города и его вымощенными камнем улицами. Затемненные окна засветились, будто маяки в ночи. Шторы отодвигались в стороны, ставни открывались, когда люди, копируя самого Кейна, взглядом искали самую высокую башню. К перезвонам добавился новый звук – хор плача. Он эхом разносился по городу, путаясь в шпилях. Песнь траура.

Кейн должен был чувствовать скорбь по своему королю, но струящаяся, нашептываемая в узких и тесных улочках правда заставляла его почувствовать то, чего он не ощущал уже много-много лун подряд.

Надежда.

У короля не было детей – не было наследника.

Не было ни сына, который смог бы занять его место, ни Ратборна, который продолжил бы родословную. Король еще мог бы зачать детей, у него было много времени. Его смерть

оказалась настолько внезапной, что Кейн задался вопросом, не стал ли ее причиной клинок в ночной тиши. Времени гадать не было, и, если в их рядах завелся предатель, то он вычислит его, как только решит более крупную проблему.

Костяная Корона больше никому не принадлежала. Король нужен, чтобы править островами, чтобы защитить людей от Инцендии, которая расчищает себе дорогу огнем и мечом. Поклоняющееся огню королевство превратит острова в порты для своего флота. Они заберут себе все золото, до последней монеты, и поработят свободные острова, чтобы выполнить сложнейшие задачи по строительству своих чудесных городов и дворцов. Точно так же, как уже поступали, когда пересекли Ледяную пропасть, покинув свое Западное королевство и захватив восточные земли. Теперь они жаждали расширить свои территории снова.

Будь Кейн королем, он бы не позволил Инцендианскому флоту даже мельком взглянуть хотя бы на один из островов.

Пока все балтессианцы в отчаянии понурили головы, Кейн вышагивал по рынку, высоко вздернув подбородок. Рынку следовало бы быть пустым, так как все лавки закрылись на ночь, но людей тут столпилось больше, чем Кейну когда-либо доводилось видеть. Его мысли обратились к другим четырем капитанам, включая его друзей Циллу Абадо и Флинна Ганнисона. Узнав последние новости, все они зададутся тем же вопросом, что и он: кто станет следующим правителем?

На улицы высыпало еще больше горожан, и Кейн резко свернул вправо, юркнув в гостиницу, где остановился с командой.

Слишком многое нужно было привести в порядок, а времени слишком мало, особенно если учесть все то, что должно было произойти после похорон короля. Рука потянулась в карман, чтобы сжать отцовский компас, но он оставил его на ночном столике в снятом номере. Если бы только ему удалось просто подержать его в руках мгновение, потерять большим пальцем царапинки сбоку, он смог бы мыслить ясно и составить план, как это сделал бы его отец.

Когда он вошел в комнату, все, казалось, было на своих местах.

В камине, заливая комнату оранжевым светом, тлели угольки от огня, который он забыл погасить. Двери на балкон все еще были открыты, занавески колыхались на ночном ветру, как волны в свете луны.

– Кейн? – мягко позвал женский голос.

Дерьмо. Он забыл, что оставил Клариссу в своей постели, сбегая к Грисби за золотом и кровью. Он полагал, что она уже ушла, по крайней мере надеялся.

– Куда ты уходил? – спросила она.

Тогда он взглянул на нее, все еще лежавшую в его постели. Янтарные волосы упали на плечи, когда она села, прикрывшись простыней.

– Когда я проснулась, тебя здесь не было. И Кровавый Колокол. Ты его слышал? Я волновалась, что ты...

Кейн провел рукой по лицу.

– Тебе пора уходить, – сказал он, сознавая, как холодно это прозвучало. Он желал, чтобы она прислушалась к нему хотя бы раз.

– Уходить? – ее лицо превратилось в обиженную надутую гримасу. В подернутых дымкой изумрудных глазах заблестели крокодиловы слезы. – Уходить? Вот как ты относишься ко мне? Как к одной из шлюх Грисби?

Кейн мог бы расхохотаться ей в лицо, запрокинув голову. Этот трюк срабатывал с торговцами и новичками, но не с Кейном.

– Ты знала, что это было. Знала, на каких условиях, – он вздохнул, готовый остаться наедине с собой, чтобы привести мысли в порядок. – Ты сказала, что не станешь задерживаться, так что не нужно притворяться удивленной.

Кларисса выпрямилась в постели, устремив взгляд в простыни.

– Я просто подумала, что... – Кейн знал игру, в которую она играла: невинная девушка, с которой несправедливо обошелся такой зверь, как он. Но и сама она была той еще хищницей. Просто когти сейчас спрятаны. – Я подумала, что, может быть, нам с тобой...

– Что? – спросил Кейн, делая шаг к кровати. – Ты думала, что я объявлю тебе о своей любви? И увезу на своем корабле?

Кларисса отвела взгляд, щеки пылали. Кейн знал, что кровь к ее лицу прилила не от смущения, а от скрываемого гнева.

– Мы уже много лет занимаемся этим, Кейн, – она почти шепчет. – Я знаю, что начиналось все как беспечное кувыркание в простынях каждый раз, когда ты пришвартовывал здесь свой корабль, но я не виновата, что влюбилась в тебя.

Он мог представить себе многих мужчин, павших жертвами этой игры, но был хорошо подготовлен.

– Ах, – Кейн внимательно наблюдал за ней. – Значит, теперь ты неожиданно влюбилась в капитана «Стальной жемчужины».

Кларисса кивнула, ее губы жалостливо изогнулись. Кейн поверил бы, если бы азартный блеск глаз не выдавал её.

Он подошел к краю кровати и заметил, что от его движения ее дыхание сбилось. Уперев одно колено в матрас, он наклонился вперед, обхватив лицо Клариссы руками. Она выгнула спину, когда он склонился так близко, что смог почувствовать ее частое дыхание.

– Ах, Кларисса, – прошептал он, проводя кончиком носа по нежной щеке. Она вздрогнула от прикосновения. – Как мило с твоей стороны раскрыть свои чувства ко мне после того, как ты слышала Кровавый Колокол.

Кларисса замерла под ним, но его голос по-прежнему звучал, низко и соблазнительно.

– Ты и правда думала, что я не смогу сложить два и два? – спросил он, отстраняясь и наблюдая, как широко распахнулись ее глаза. Она поняла, что попалась. – Все мы знаем, что Кровавый Колокол означает смерть короля пиратов. И все мы знаем, что у нашего короля нет сына.

Он склонил к ней голову, чтобы шепотом произнести следующую фразу:

– Скажи мне, Кларисса. Что случается, когда нет наследника?

Кларисса склонила голову набок, обнажив шею, тогда Кейн подул ей на кожу, заставив вздрогнуть.

– Испытания, – сипло ответила она. – Начинаются Испытания.

– Думаешь, я выиграю Испытания? – он легонько поцеловал ее в ключицу.

– Да, – сказала она, затаив дыхание.

– И стану великим Королем Костей? – его пальцы нежно заскользили по ее подбородку.

– Да, – прошептала она.

– Ты хочешь стать моей королевой? – он еще больше наклонился, коснувшись губами ее губ.

– О, богиня, да, – простонала она.

– Ты правда считаешь меня таким глупцом?

– Да, о, да! Да... – она замолчала, осознав, что Кейн задал не тот вопрос, который она ожидала.

Кларисса уперлась руками в грудь Кейна и оттолкнула его. Острые ноготки впились в кожу, но он даже не вздрогнул – ему доводилось сталкиваться и с худшими вещами.

– Ты мерзкая гнида, Кейн Блэкуотер, – прошипела она, хватая свое платье с того места, куда его бросил Кейн. Затем соскользнула с кровати и схватила с вешалки свой свитер, натягивая ткань на пышную фигуру и не переставая сопеть.

– Ты права, – ответил Кейн, легко удерживая ее запястье, прежде чем она успела выскользнуть из комнаты. – Я гнида, подлец и все те ужасные слова, которые сейчас вертятся в твоей

головке. Так что убирайся из моей комнаты и найди себе любовь, которая действительно воспламенит твое сердце, и перестань тратить время на труху, подобную мне. Не жди меня, потому что я не стану тебя ждать.

Кларисса вызывающе вздернула подбородок, но Кейн знал, что она все поняла правильно. Они оба воспитывались так – брать желаемое и не извиняться. Это была одна из первых вещей, что отец вбил ему в голову.

Пока она плелась к двери, с ее плеча соскользнула бретелька платья, она остановилась и посмотрела Кейну прямо в глаза.

– Лучше бы я никогда с тобой не встречалась, – процедила она сквозь зубы. Выпад должен был сделать больно, но этого не произошло. Уже ничто не может причинить ему боль.

– Ты должна быть мне благодарна, – сказал он, скрестив руки на груди, и взглянул на открытый компас отца, все так же лежавший на ночном столике. Ровно там, где он его оставил. – Я преподал тебе один из самых ценных жизненных уроков.

– И какой же? – она поджала губы, ожидая его ответа.

– Никогда не доверяй пирату.

Глава 3 Лорелея

Порт Барлоу

Ранний Красновей

Лорелея стояла у обрыва на вершине холма, наблюдая, как далеко внизу мечется море. Вид, открывающийся с фермы, всегда был самым приятным качеством Порта Барлоу. Прохладный ветерок начала сезона Красновей играл в ее волосах, пряди выбивались из косы и щекотали шею. Пока мать в доме пекла свежие булочки, Лорелея вышла наружу и занялась привычным ежеутренним делом – стояла, смотрела вдаль и мечтала.

Мечтала не видеть ничего на многие мили вокруг, кроме окружающего ее темно-синего моря. Мечтала просыпаться от звука волн, бьющих о борт корабля, на котором она отправилась бы в путь. Грезилa о ветре и небе над головой, и бескрайнем море звезд, отражающемся в воде.

Но это были всего лишь мечты.

Ей не суждено бороздить моря в поиске новых земель. Она никогда не знала, каково это, и никогда не узнает. Покорение морей не стало ее предназначением. Она унаследовала другое – жить здесь, на ферме, с матерью.

Лорелея вздохнула и заправила волосы за ухо, не обращая внимания на трепещущие на ветру пряди. Богиня, как же она соскучилась по маме. Хотя и видела ее только что, покидая дом, ссутулившуюся, замешивающую тесто, но за минувший год ее мать из женщины, которую знала Лорелея, превратилась в незнакомку, охваченную безумием. Лорелея скучала по ее нежному голосу и по запаху корицы, исходившему от волос, вымытых мылом, которое она делала сама. Скучала по историям о прекрасных русалках, ледяных драконах, живших на севере, за Ледяной Пропастью, и, в особенности, по рассказам о легендарном Капитане Шторме – смертном, пирате, которому Богиня дала морскую магическую силу, чтобы победить в древней войне.

Волшебные сказки казались такими реальными, словно ее мать сама пережила их. Но это было иллюзией, искусством великого сказителя.

Мама всю жизнь управляла этой фермой, поэтому Лорелея похоронила зов моря, его песни и то, как оно тянулось к ней и звало, ведь однажды ферма перейдет под ее управление.

Лорелея легко могла бы взойти на борт первого попавшегося корабля в Порту Барлоу и отправиться в неизведанные края. Однажды она увидела карту, выпавшую из одной из старых книг матери. Она до сих пор помнила рваную, неровную цепь островов, разбросанных по Серебряному и Бронзовому морям, – джунгли Макайи, оживленные острова-близнецы Сарва и Равана, руины Затерянного острова и другие острова, со столицей Балтессой, на самом краю архипелага. Центр. Церулия. В одной из сказок, рассказанных ее матерью много лет

назад, говорилось, что островное королевство Церулия – желанный дом для всех, кто мечтал вырваться из ожесточенных королевств суши. Может быть, в Церулии Лорелея смогла бы найти ведьму, которая поможет исцелить разум ее матери, стереть воображаемые голоса, которые, по ее рассказам, нашептывали ей из огня. Может быть, Лорелея смогла бы найти своего отца – человека, о котором ее мать почти не говорила, но шептала во сне.

Его звали Джек. Ночные напевы матери эхом отражались от стен их маленького домика. Хотя она никогда особо не вдавалась в подробности о возлюбленном, по обрывкам услышанного Лорелея сделала вывод, что ее мать никогда не хотела оставлять Джека, а ушла из-за сильного страха перед чем-то, от чего даже он не смог защитить ее... Конечно, она никогда не упоминала, от чего именно.

Лорелея могла бы уплыть и найти его, вернуть, собрать их жизнь воедино. Да, она никогда его не видела, но могла бы посмотреть ему в глаза и узнать, ведь они были одной крови. Он мог стать той недостающей частичкой жизни Лорелеи. Возможно, его возвращение исцелило бы мать.

Но каждый раз, когда в ее голове возникали мысли об отъезде, сердце сжималось, вырывая ее из грез и возвращая обратно на ферму, в место, которому она принадлежала.

Лорелея сжала в кулаках ткань юбок и отвернулась от моря. Ей должно быть стыдно, что она допустила мысли о том, чтобы оставить мать.

Особенно сейчас, когда та угасала с каждым днем. Но рядом с ней было невыносимо, и Лорелея были необходимы хотя бы редкие мгновения у моря, чтобы легче дышалось.

Лорелея спустилась с холма. Суеты в гавани должно быть достаточно, чтобы унять ее неприкаянное сердце.

Пока она брела вниз по тропинке, море продолжало манить песней сирены, но она игнорировала его зов. Рабочие порта толпились в доках и на дорогах к нему, петлявших между невысокими приземистыми строениями. Хотя многие люди были ей не знакомы, ей нравилось наблюдать за ними так, как иным нравится наблюдать за птицами.

Некоторые держались особняком и вежливо кивали, когда Лорелея проходила мимо. Большинство хранило молчание, грея уши на частных беседах, выискивая вокруг беспечные поступки с губительными последствиями. Они по макушку увязли в чужих делах. Некоторые до сих пор сплетничают о капитане «Алой Девы», сбежавшей больше месяца назад.

Лорелея до сих пор помнила волнение, охватившее ее при взгляде на них, бежавших через поля перед домом. Прихрамывающая девушка была единственной, кто заметил ее, стоявшую в дверях, но и этого оказалось достаточно, чтобы заставить Лорелею съежиться и юркнуть обратно в безопасную тьму дверного проема.

По крайней мере, этот побег дал жителям гавани пищу для разговоров, отличных от обсуждения ее матери. И так хватало негатива, уже вся гавань заметила их отсутствие на протяжении многих лет на Фестивалях Огня и казнях в крепости. Иногда Лорелея становилось любопытно, знает ли кто об их с матерью тайных молитвах, возносимых Морским Девам перед обедом. Или о золотом церулианском ожерелье, которое ее мать всегда прятала под воротничком платья. Может быть, наконец, настало время набраться смелости и потребовать от матери правду о прошлом, о том, откуда она родом на самом деле. Узнать, есть ли в её фантастических историях хоть доля правды.

– Лорелея Пенни, – раздался позади нее знакомый ласковый голос. – Ты спустилась раньше обычного.

Она обернулась и увидела, что из дверей отцовской мясной лавки ей улыбается Луис. Светло-оливковая кожа сияла в лучах утреннего солнца, а волнистые темные волосы развевались при каждом шаге, когда он направился к ней по узкой улочке. Ей приходилось запрокидывать голову, чтобы смотреть на него, но это было делом привычным. Он и в детстве был выше всех остальных детей в доках.

– Только не говори, что прибежала в гавань ради встречи со мной. – Луис подмигнул.

Ах, если бы это было так просто. Побывать влюбленной девушкой, единственной заботой которой был бы вопрос, в чьи объятия броситься. Как она могла мечтать о совместном будущем с кем бы то ни было, когда ее родная мать нашептывает проклятия Огню по ночам.

Тем не менее, пофлиртовать было неплохо. Она сыграет в эту игру по его правилам.

– Я не могла бы покинуть дом быстрее, – она хихикнула, прикрыв рот рукой.

– Не дразни меня, Лори, – Луис шутливо прижал ладони к груди. – Мое хрупкое сердце не выдержит, если это окажется ложью.

– Возможно, в таком случае твоему сердцу нужна броня.

Какое-то время они смотрели друг на друга, не моргая. Луис сдался первым, его каштановые глаза заблестели, губы изогнулись и расплылись в красивой усмешке. Он скрестил руки на груди, и его смех эхом прокатился по улицам гавани.

– Ты рассмеялся первым, – заметила она, улыбаясь. – Я выиграла. Снова.

– Ты выиграла только потому, что я тебе позволил, – возразил Луис. Он откашлялся. – Каким джентльменом я был бы, не поступи так?

– Ты собираешься быть таким же джентльменом по отношению к пиратам после того, как поступишь на службу в индигенный флот? – спросила Лорелея. Она здорово взгрела Луиса, когда узнала о его планах, но после недавнего побега пиратки, казалось, его уже ничто не остановит. – Ты тоже станешь Разведчиком? Клянусь, в этих людях не осталось души. Всего несколько лун назад они сожгли тот небольшой торговый порт в северной гавани.

– Ой, ну ладно тебе, Лори. Они помогали сбежавшим пиратам, – он потер виски, будто от разговора у него разболелась голова. – Мы уже обсуждали мое поступление на службу. Нам действительно нужно снова к этому возвращаться?

– Обсуждали, действительно. Однако пару дней назад твой отец сказал мне, что ты все равно намерен сделать это. – Она ткнула его в мощную грудь. – А мне обещал, что подумаешь.

– Я подумал и принял решение.

– Идиотское, – у нее скрутило желудок от понимания, что он принял не то решение, на которое она рассчитывала.

– Оно мое, не твое.

Проходившие мимо работники порта замедляли шаг, блуждая взглядами по паре, ссорившейся посреди дороги. Луис заметил это и понизил голос.

– Понять не могу, почему ты так очарована Церулией. – Он склонил к ней лицо. После долгих часов копчения в отцовской лавке от него пахло дымком и горелым деревом. А когда станет лазутчиком – добавятся запахи огня и разрушения. – От пиратов одни неприятности. Они воруют. Убивают. Топят целые корабли с вооружением, необходимым для защиты нашего народа.

– Защиты нашего народа? От чего?

– От них.

Лорелея закатила глаза.

– Ты принимаешь на веру каждую историю, рассказанную пьяным матросом в кабаке? Да половина из них своими руками убивала людей. Я разочарована тем, что именно ты принимаешь за истину.

– Один солдат погиб во время побега Циллы Абадо. Он был мужем и отцом. Ее команда выставила наш флот на посмешище. Какие еще доказательства их порочности тебе нужны?

– Почему они вообще сразу решили повесить ее, Луис? В чем состояло ее преступление? В том, что она одна из них?

Луис неловко переступил с ноги на ногу.

– Сам их образ жизни несет насилие и хаос.

– Подобные обобщения ведут к ненависти, а ненависть к... – вздох Луиса прервал ее. Он отвернулся и прищурившись смотрел вдаль, будто там было нечто, что помогло бы ему придумать достойный ответ. Затем Луис стиснул зубы и повернулся к ней.

– Тебе всего семнадцать, ты слишком наивна. Поймешь однажды.

– Что, прости? – она стиснула зубы от закипавшего внутри гнева. – Не смей обращаться со мной, как с глупым ребенком. Ты старше всего на два года, а дружим мы всю жизнь.

– Лори, – Луис провел рукой по лицу, его уши пылали. – Прости, я... Это не твоя мать?

Лорелея отступила, ее лицо исказилось в замешательстве. Луис смотрел на что-то за ее правым плечом. И она предпочла бы стоять и спорить с ним до заката солнца, лишь бы не видеть свою мать на улице. Меньше всего им нужны были новые сплетни.

– Лорелея! – кричала ее мать. Это был крик ужаса, слишком знакомый. Она часто слышала его тихими ночами.

– Удачи, – сказал Луис, широко распахнув глаза.

– Лорелея! – снова закричала ее мать. В голосе чувствовалось некоторое облегчение, но он все еще был полон паранойи и страха.

Все глаза гавани устремились на Лорелею, ожидая ее реакции, надеясь, что она предпримет что-то настолько восхитительно ужасное, что можно было бы обсуждать неделями.

Дорогая Богиня, порази их прямо сейчас, пожалуйста.

Глаза Луиса расширились еще больше, его взгляд остановился на Лорелее.

– Мне пора возвращаться к отцу.

– Ты ужасный друг, – зарычала на него Лорелея. – Не вздумай бросить меня здесь.

Луис проигнорировал ее и приложил руку к уху.

– Слышала? Звучит так, будто он пытается поднять корову или кабана, или что-то... ужасно тяжелое, – он развернулся и поспешил прочь, махнув Лорелею через плечо.

Предатель.

Она сложила ладони у рта и закричала ему вслед.

– Когда ты уедешь, я не стану по тебе скучать! – Очередная ложь. Порт Барлоу станет еще более унылым, когда Луис отправится на морские учения.

Чья-то рука схватила Лорелею за плечо, вырвав из раздумий, заставив повернуться лицом к владельцу руки. У Лорелеи защемило в груди при виде матери. Ее глаза блестели от слез. Темно-каштановые волосы собраны в спутанный узел. Лицо покраснелось и пошло пятнами от рыданий. Полнейший и неоспоримый бардак.

– Где ты была? – костлявые пальцы с острыми ногтями впивались в плечо Лорелеи и трясли его. – Где ты была?

Видя потерянный взгляд матери, Лорелея поняла, что, вероятно, ей никогда не удастся собрать осколки ее души. Единственное, что она может – это добавить новых трещин.

Лорелея взглянула налево, затем направо – на замерших посреди улицы портовых трудяг. Поджав губы, сверкая глазами-бусинками, они сверлили взглядами дрожащую женщину со спутанными волосами в грязной одежде. Они смотрели на ее мать, как на сгнивший помидор, будто считали, что ее безумие может перекинуться на них, если они подойдут слишком близко.

Не следовало позволять этой сцене затянуться надолго, надо было сразу откликнуться на зов матери. Тогда было бы меньше поводов для сплетен. Богиня, она определенно худшая дочь во всем королевстве.

Ей всего лишь хотелось глотнуть свежего воздуха, приобщиться немного к нормальной жизни. Но в итоге это лишь еще больше разволновало ее мать.

Лорелея мягко высвободилась из хватки и обняла женщину рукой за плечи, притянув к себе.

Толпа смотрела, в их пылающих взорах уже читался новый ярлык, навешенный на Лорелею – дочь безумной, девушка, которая сойдет с ума вслед за матерью.

– На что уставились? – спросила Лорелея, не в силах унять дрожь в голосе. – Вам больше заняться нечем?

Она прокляла их осуждающие взгляды и пошла прочь, увлекая за собой дрожащую мать. Сейчас самым важным было увести ее из гавани, пока не случился припадок.

– Где ты была? – снова спросила мать, когда толпа поредела, а впереди замаячила тропа наверх.

– Я всего лишь спустилась, чтобы повидаться с Луисом, – ответила Лорелея, ослабляя хватку. Мать перестало трясти, красные пятна сошли. Теперь ее лицо было пепельно-бледным.

– Ты не предупредила меня.

Потому что она бы не позволила.

– Я уже возвращалась...

– Ты должна быть осмотрительной, – перебила мать резким шепотом.

Ветер с моря свистел в ушах Лорелеи, заглушая слова, но в том, что она сказала, ошибиться было невозможно.

– Огонь пылает ярче, когда говорит со мной. Он хочет убить наследника. Это единственное, что ему нужно, чтобы восстановить свою силу. Именно поэтому ты должна оставаться в безопасности, Лорелея.

– Кто? Какое это имеет ко мне отношение? – Лорелея бережно взяла мать за руку и остановила. Она знала, что ее мать не питала любви к божествам огня и к Инцендии, но тут скрывалось нечто иное. – Нет никаких голосов в огне, мам. Есть ты и я.

Или, по крайней мере, так было раньше.

– Ах, милая моя Лори, – лицо матери на мгновение преобразилось, глаза сияли от волнения, потрескавшиеся губы изогнулись, но взгляд оставался хмурым. Она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но потом замерла, будто ее перебили. Через несколько мгновений губы сжались, она отдернула руку, словно прикосновение Лорелеи жгло пламенем. – Не смей снова уходить. Темные волны поднимаются все выше. Если не будешь осторожна, утонешь.

Глава 4

Цилла

Сарва

Ранний Красновей

Никогда еще меч не лежал так хорошо в руке Циллы. Именно этот клинок сейчас был ее любимым, не только из-за идеального баланса и резной рукояти, но и из-за горла, к которому сейчас была прижата сталь его лезвия.

«Алая Дева» пришвартовалась в Сарве всего час назад, и Цилла не успела даже заказать себе пинту пива, когда увидела, что из-за углового столика в задней части таверны за ней наблюдает Флинн Ганнисон. Либо он был невероятно глуп, либо обладал стальными яйцами. В любом случае, он был мертвецом. Потребовалось лишь щелкнуть пальцами, чтобы группа Дев вытащила его в переулок и заставила встать перед ней на колени.

В переулке, зажатом между двумя зданиями, куча гниющего мусора разрослась до невероятных размеров. Ставни свисали с окон под неестественными углами. Давно забытая одежда болталась на бельевых веревках, натянутых между домами. Дым от лежалого табака витал в воздухе, царапая горло. Мимо пробежала крыса, но Цилла безотрывно смотрела на предателя у своих ног.

– Так-так-так, – размышляла она вслух, оперевшись на одну ногу и смотря на него сверху вниз. – Назови-ка хоть одну причину, по которой мне не стоит перерезать тебе глотку, Флинн Ганнисон.

Подняв меч повыше, она могла бы срезать ухмылку, в которой он скривил губы. С другой стороны, именно эти губы были единственным его положительным качеством, особенно когда бывали плотно сжаты и прижаты к ее ключице. Цилла выбросила последнюю мысль из головы. Флинну даже говорить не надо было, чтобы зацепить ее. Он находился тут и смотрел на нее своими глазами цвета морской волны с характерным блеском. Прядь волос выбивалась из-под повязки, ее оттенок напоминал мокрый песок.

– Могу назвать множество причин, почему тебе не следует меня убивать, – ответил он. Голос звучал мягко и тепло, а улыбка лучилась озорством. – Вопрос лишь в том, какая из них придется тебе по душе.

– Не шути со мной, – выплюнула Цилла. Она сжала кулак так, что меч опасно вжался в его шею там, где проходила артерия. Флинн сглотнул, скользнув взглядом по стали клинка.

– Шутить с тобой? Никогда бы не подумал.

Вранье. Все, что он говорил, было проклятой ложью.

– Почему ты здесь? – с каждым словом она все сильнее вдавливала лезвие в кожу. Было достаточно одного неумовленного движения, и хлынет кровь, и его мертвое тело канет в небытие, как и все остальное, попавшее в этот захламленный переулочек.

– Инцендианский король назначил за тебя награду. Они отправили за тобой лучших разведчиков из Обсидианового дворца, – его глаза вперились в нее в ожидании реакции. Цилла не сомневалась. Люди болтали, что Разведчики находили то, что искали. Всегда. Что бы ни стояло у них на пути. Мысль о том, что они охотятся за ней, заставила ее внутренности завязаться узлом, но она не подала виду, что слова Флинна напугали ее. Он продолжил. – С уверенностью можно сказать, что фокус с побегом Роды не произвел на него впечатления.

Рода, стоявшая позади Циллы, фыркнула.

– Им повезло, что большинству из них я сохранила жизни, – парировала она. Цилле не было нужды оборачиваться, чтобы знать, что Рода скрестила руки на груди.

– Ключевое слово – большинству, – ответил Флинн, рассматривая Циллу. – Не все пережили ярость твоего клинка.

– Не хочешь ли ты испытать мою ярость на своей шкуре? – звук вынимаемого Родой кинжала эхом разнесся по темному переулочку. – Буду рада предоставить тебе возможность.

– Я уже испытал вкус губ твоей сестры...

Фразу оборвал кулак Циллы, встретившийся с его лицом.

– Довольно! – Ее щеки вспыхнули, когда она увидела, что Флинн дерзко и кровожадно ухмыляется. Она глубоко вздохнула, пытаясь удержать свой, теперь уже подрагивающий, меч, когда снова приставила его к горлу пленника.

– Итак. Инцендия дает за меня награду. Тебе-то что? Ради чего ты здесь? Выслеживаешь нас? Что, во имя Сестер, тебе от меня нужно?

– Не спеши, – Флинн говорил, растягивая слова. – Я тут один. И могу ответить лишь на один вопрос за раз.

– Может, нам стоит поступить с ним по-инцендиански? Скормить Братьям Огня? – предложила Нора. Остальные Девы одобрительно загудели, даже Серафина согласно фыркнула. – Пылающие человечки выжгут эту его саркастическую улыбочку.

– Но я же еще не дошел до самого интересного! – выдохнул Флинн, глядя на Циллу проникновенным взглядом.

– У тебя есть десять секунд, – тихо сказала она. – Рода, считай.

Она оглянулась через плечо на сестру, которая кивнула с дьявольской улыбкой. Цилла наклонилась вперед, позволяя своему лицу задержаться в опасной близости от лица Флинна. Следующую фразу она прошептала так, чтобы никто, кроме него, не смог услышать ее обещание, данное любовнику.

– Мне плевать на то, что ты принадлежишь пиратскому флоту и являешься капитаном «Анафины». Если ты не выложишь все, пока Рода считает до десяти, я отрежу тебе язык, а потом прикончу.

Где-то глубоко внутри, в запретном уголке своего сердца, Цилла надеялась, что угрозу выполнять не придется.

Он усмехнулся той же усмешкой, которая привлекла ее внимание в первый день их встречи. Они были детьми, проходящими обучение для новобранцев.

– Припоминаю, тебе очень нравилось, что я вытворял своим языком...

Но он всегда все портил, стоило ему открыть рот.

Цилла сильнее прижала лезвие к коже, сдвинув его ровно настолько, чтобы пустить струйку крови.

– Один, – начала Рода.

Флинн закатил глаза и сделал глубокий вдох.

– Инцендия назначила награду на следующий же день после твоего побега.

– Два!

– Разведчикам приказано порешить твою команду на месте и...

– Три!

– Клянусь, она считает слишком быстро, – Флин прищурился.

Цилла покачала головой.

– Ты понапрасну теряешь время. Тик-так, тик-так.

– Четыре! – снова выкрикнула Рода, от возбуждения ее голос зазвучал выше.

– Им приказано привести тебя живой, – продолжил Флинн.

– Пять!

– Чтобы показательно преподать всем урок.

– Шесть!

– Да брось, Рода. Это была не полная секунда!

– Семь!

– Я покинул Порт Барлоу, как только узнал, чтобы предупредить тебя, – глаза Флинна изучали лицо Циллы, но она оставалась невозмутимой.

Он еще не ответил на все вопросы, и ей нравилось наблюдать, как он дергается.

– Восемь!

– Что еще? – Флинна охватило отчаяние, это было именно то, что Цилла хотела увидеть.

Заставить его почувствовать то же, что чувствовала она, когда петля затянулась на шее.

– Девять!

– Ты нас выследил? – подсказала Цилла.

Он ответил, глотая слова, но Цилла разобрала каждое.

– Я направился сюда, потому что все мы прибыли на Сарву, чтобы пировать!

Цилла опустила меч. Он был прав: даже «Алая Дева» пришвартовалась в Сарве, чтобы отпраздновать избавление Циллы от смерти.

– Чтоб тебя, Цилла! – взвизгнула Рода. – Я хотела увидеть, как ты отрежешь этому ублюдку язык!

– В другой раз, – сказала Цилла. Волна тайного облегчения захлестнула ее.

Флинн вытер кровавую полосу с шеи и выпрямился.

– Должно быть, Морские Сестры сегодня благоволят мне.

– Тебе всего лишь повезло, – ответила Цилла.

– Как твоя лодыжка, кстати? – спросил Флинн, склонив голову набок, его взгляд пробежался по всему ее телу. Как обычно, он мастерски переводил стрелки. – Еще болит?

Да, все еще было очень больно. Она изо всех сил пыталась скрыть хромоту, но Цилла не собиралась ему в этом признаваться. В первую очередь именно он был виноват в том, что ей больно. Цилла попробовала дать ноге восстановиться по всем правилам, но оставаться в кровати, задрав ногу, и наблюдать, как ее команда выполняет всю работу за нее, было противно всему ее нутру. Беспольный пират – нервный пират.

Она вложила свой меч в ножны и присела перед Флинном на корточки.

Вскинув руку, поправила малиновую повязку, прикрывавшую слепой глаз.

– Где же сейчас Разведчики? – спросила она, понизив голос на октаву.

– В Сарве, – ответил он. Голос звучал ровно, будто это не он бился в панике всего несколько мгновений назад.

У Циллы скрутило живот. Ловушка. Еще одна проклятая ловушка. Она ухватила его рукой за жилет. Сжала ткань в кулаке и притянула его к себе.

– А где твои люди? – Цилла старалась говорить так, чтобы голос не дрожал. Если одна из ее девочек умрет по его вине, страшно даже представить, какая боль его ждет.

– Прямо сейчас один из моих людей убивает снайперов, нацеливших свое оружие на Роду.

Цилла толкнула Флинна на землю и развернулась к Девам, которые замерли по стойке смирно. Ее сердце остановилось, когда она встретила взгляд с сестрой.

– Рода! – закричала она, ее страдание заполнило собой воздух.

Вместо выстрелов послышалось успокаивающее бульканье захлебывающихся кровью людей. Движение над переулком привлекло ее внимание, взгляд скользнул выше, и она увидела два тела, падающие с крыши. Они с глухим стуком приземлились на землю, кровь растеклась по камням. На обнаженной коже их предплечий красовались клейма, эмблема огня и меча, знак Инцендии.

– Всегда пожалуйста! – раздался голос сверху. Даже в ночной тьме Цилла могла представить самодовольную улыбку Ариуса Павела, первого помощника Флинна.

– Надеюсь, этого достаточно, чтобы ты передумала мстить мне? – задумчиво спросил Флинн. – В конце концов, я только что спас жизнь твоей сестре.

– Поправочка, – ответила Цилла. – Роду только что спас Ариус.

– Мелочи, мелочи. Надеюсь, ты...

Флинн замолчал, услышав тот же звук, что привлек внимание Циллы. Он вскинул голову. В воздухе раздавались пронзительные крики чаек. Две белые птицы спикировали вниз и затихли, достигнув двух капитанов. К их ногам были привязаны маленькие свернутые пергаменты.

В последний раз Цилла получала послание с помощью чайки как раз-таки от Флинна, и таким образом ему удалось заманить ее в Порт Барлоу. Воспоминание о радости, которую она испытала, получив весточку от него, теперь было окрашено сожалением о предательстве.

Ее пальцы дрожали, пока она развязывала бечевку, справившись, она позволила пергаменту развернуться у себя на ладони. Она снова и снова перечитывала написанное, не понимая значения слов. Пятый раз, шестой. Затем ее будто молнией поразило, так внезапно и яростно, что она чуть не рухнула на землю.

Флинн поднял глаза на Циллу, когда она позволила себе скользнуть взглядом по нему. На их кусочках пергамента были написаны одни и те же слова – слова, которые крутились у нее в голове, пока они молча смотрели друг на друга.

«Капитаны Флота,

Король Костей мертв. Испытания начнутся на Перекрестии Костей в канун позднего Красноея. Капитаны обязаны быть на месте со своими первыми помощниками до выстрела стартового пистолета, в противном случае они отказываются от притязаний на Костяную Корону и золотой трон Церулии.

Пышное торжество в честь покойного короля Ратборна состоится через три дня. Любая команда, оказавшаяся достаточно близко, чтобы добраться в этот срок до Балтессы, может принять участие. Должностные лица Короны возьмут на себя управление до тех пор, пока не будет выбран новый Король Костей.

Генерал Локхарт».

Цилла обратила внимание на выбор слов Локхарта – «Король Костей», а не «Королева Костей». У пиратского флота и Церулианских островов еще никогда не было королевы. Ею должна была стать последняя из рода Штормов, женщина, в чьих венах течет легендарная кровь. Она сбежала в день своей свадьбы. С тех пор никто ее не видел. Если мужчины не позволят женщине занять трон по праву крови, то Цилла возьмет его себе по праву Испытаний.

– Ну, – сдержанно подтолкнула Рода. – Что там написано?

– Король мертв, – ответил Флинн, не сводя глаз с Циллы.

– Что? Но как? – голос Роды зазвучал на октаву выше. – Наследник? Им удалось найти наследника?

– В сообщении не говорится, как он умер. И нет, Шторм им найти не удалось, так о каких наследниках может идти речь?

Переулочек внезапно показался слишком тесным, а воздух слишком вязким. Раньше Цилла не чувствовала вони мусора, но теперь от запаха тошнило.

– Где-то она должна быть, – сказала Нара из-за плеча Циллы. – Никто не может исчезнуть бесследно. Что, если у них был ребенок? Вдруг она сбежала именно поэтому?

– Скорее всего, угнав один из кораблей Ратборна, она погибла в море, – Флинн засунул пергамент в карман штанов. – Наследника нет. В послании также говорилось, что...

Рода врезала коленом Флинну в бок. Цилла поморщилась от его стоны, но Рода пожала плечами.

– Что? Он заслужил. – Она закончила фразу за него, взяв инициативу в свои руки. – О чем говорилось в остальной части записки?

– Испытания начнутся через два лунных цикла, в последний день Красновея. Новая династия займет трон с приходом морозов.

Испытания – опасная охота, придуманная первым правителем, Капитаном Штормов, как раз для подобных ситуаций. Последние Испытания проводились более сотни лет назад. Корону получил капитан Ратборн и благословил королевство родом, производившим на свет множество сыновей на протяжении поколений. До тех пор, пока династия не иссякла.

Слова оживили Циллу, наполнили чувствами, будто окатили ледяной водой. Внезапно она ощутила, что полна энергии. Она была готова сделать что угодно, убить любого, даже ослепнув на оба глаза.

– Остальные капитаны, должно быть, уже в курсе, – сказала Нара, вышагивая по переулочку. – Все они заявят свои права на Костяную Корону. Цилла, ты осознаешь это? Если ты примешь участие в Испытаниях и выиграешь, то станешь первой в мире королевой пиратов, первой Королевой Костей.

– Алая Дева станет истинным наследником, – размышляла Рода, но только Цилла услышала следующие слова, которые она пробормотала себе под нос. – Это должна была быть я.

Алые Девы разразились возбужденной болтовней. Серафина и Розалина прижались друг к другу, странным образом их перешептывания не были слышны остальным. Другие шептались, прикрывая рты тыльной стороной ладони.

Нара внезапно замолчала, Цилле стало невыносимо любопытно, что творится у нее в голове. Самым пугающим во всем происходящем было то, что Цилла оставалась глуха к мнению женщин, заполнивших переулочек. Они все были очень разными – море различных цветов, форм, сильных и слабых сторон. Цилла полностью доверяла Наре и близнецам, но она все чаще задавалась вопросом, не предпочли ли бы остальные Девы видеть на ее месте Роду. Все они знали, что ее сестра жаждала капитанской роли больше, чем всего золота и лучшего табака островов. Также все они были свидетелями их дуэли на палубе «Алой Девы», когда Рода слезла из Циллы отбивную.

В то время, когда слова послания вызвали бурную реакцию среди Дев, внутри Циллы они разожгли лишь глубинный страх. Казалось, неудачи тенью следовали за ней. Ей не удалось избежать пленения в Порту Барлоу. Она не смогла сохранить жизнь матери, когда та заболела.

Она не знала, почему, но оглянулась на Флинна, наблюдавшего за ее реакцией. И поймала себя на мысли, могут ли и в его голове бушевать те же сомнения.

Не то чтобы это было важно.

– Похоже, судьба сегодня на твоей стороне, Флинн Ганнисон, – сказала она, сворачивая судьбоносное послание и убирая в карман. – Живи, умрешь в другой день.

Глава 5

Кейн

Балтесса

Середина Красновоя

Кейн был самым юным капитаном на похоронах Ратборна. Ему бы не пришлось чувствовать себя не в своей тарелке, потрудись Цилла и Флинн прибыть на похороны, но ни их самих, ни их экипажей нигде не было видно. Старшие считали молодых капитанов детьми, но втроем, вместе они могли бы противостоять предрассудкам. Сейчас же Кейн был одинокой лужицей вдали от моря. Впрочем, как обычно.

Он не беспокоился о том, в какие неприятности могли вляпаться Цилла и Флинн, потому что вообще весь смысл заключался только в них – в неприятностях. Пока неприятности не происходят между этими двумя, всё в порядке. Они и так достаточно препирались. Кейн, глубоко задумавшись, водил большим пальцем по компасу своего отца, раскинувшись в кресле, пока вокруг шумела пышная вечеринка.

Он вспоминал, как мечтал дружить с ними, но эти двое никогда не могли держаться подалеже друг от друга, так что Кейну быстро стало ясно, что он третий лишний. Вспоминал, как они впервые встретились на похоронах последнего короля десять лет назад. Тогда все они были детьми: Кейн готовился унаследовать капитанское звание, Цилла всегда держалась на шаг позади своей сестры, а Флинн был всего лишь желторотым новобранцем, в глазах которого горела жажда приключений. Кейн долго наблюдал за ними, не вступая в разговоры, потому что отец научил его воспринимать этих двоих как угрозу.

– Не позволяй их возрасту одурачить тебя, – резко шептал мужчина в ухо Кейну, ромовый запах его дыхания все еще витал в воспоминаниях. – Они накинутся на тебя быстрее, чем пират тратит свое золотишко.

Он всегда выполнял приказы отца. Единственное, что могло помешать ему выполнять свои обязанности, это столкновение с драконом или кракеном. Таким образом, он держался рядом с Флинном и Циллой на протяжении двух лет обучения, до тех самых пор, пока они не присоединились к своим командам в море. Не слишком близко, все время будучи в их паре третьим лишним. Ему казалось странным, как они бессознательно нашли друг друга в толпе новобранцев, будто цветы, тянувшиеся к солнечному свету в зарослях сорняка.

Он никогда никому не признавался, но втайне мечтал разбить свой собственный сад.

Похороны последнего из Ратборнов во дворце оказались такими же экстравагантными, как и похороны прочих его многочисленных предков. По столам были разбросаны золотые монеты, каждая рука сжимала бокал, а в воздухе плыли печальные морские песни. Насколько помнил Кейн, плакать было не принято. Похороны походили скорее на праздник в честь про-

шедшей жизни человека. По правде сказать, всем им был необходим такой праздник, вдали от кровопролития и бушующего моря. Братские отношения между экипажами были редкостью, и то, как все они собрались вместе, чтобы воздать должное жизни короля Ратборна, стало зрелищем, достойным внимания.

Размах празднества был таким, что столы пришлось поставить не только в главном зале, но и в холле, и во дворе. Кейн со своей командой предпочел находиться на открытом воздухе, где их не ослепляло дворцовое убранство. Там, куда даже в самом сердце столицы долетал ветерок, пахнувший морской солью.

В жилах пирата течет море – так учил Кейна его отец. Настоящий пират всегда и всюду найдет выход к воде, даже застряв в пустыне.

Кейн осматривал двор, устроившись в удобном кресле, которое стащил из главного зала. Экипажей «Алой Девы» и «Анафины» по-прежнему не было видно среди празднующих, но он узнал другие, разбросанные то там, то тут. Парни с «Костяного Пса» слонялись вокруг, хватая чужие напитки. Несколько членов экипажа с «Рассекающего волны» перехватили преимущество на сцене и пытались исполнить печальную морскую песню о барменше с Сарвы. На подобных мероприятиях любые претензии друг к другу забывались. Но сегодня это не был обычный праздник в честь короля – избежать разногласий было непросто. У ушедшего короля не осталось наследника, который занял бы его место. Вскоре, когда начнутся Испытания, все вцепятся друг другу в глотки, сражаясь за корону. Чтобы стать тем, кто правит островами и морями.

Никто не мог пересечь Бронзовое, Серебряное и Золотое моря без ведома Короля, это значило, что под его контролем находится самое ценное во всем мире – торговля.

– Возможно, кто-то желал смерти Короля, – раздался голос одного из его людей. Доан говорил тихо, будучи уверен, что другие экипажи его слов не услышат. – Возможно, кому-то было выгодно инициировать Испытания. Я слышал сплетни на рынке.

Мужчины вокруг него согласно зашумели. Их стало значительно меньше, чем раньше.

Когда год назад умер отец, и Кейн унаследовал корабль, он чуть не пал от рук мятежников. Единственным способом сохранить корабль была дуэль с Громилой Джарнисом. Кейн чудом победил, и, хотя он выжил, его грудь так и не зажила полностью от удара топора. Этот бой завоевал для него уважение малой части команды, а остальные, насколько он знал, отправились с Джарнисом за море.

Возможно, ему стоило быть благодарным за то, что сейчас его команда мала.

Возможно, он даже попробует расслабиться со своим кубком с вином.

Никаких преследований. С тех пор как он расплатился с Домиником Роувом выигранным в бою золотом, он мог не оглядываться через плечо. Кейн откинулся на спинку кресла и закинул ноги на стол, скрестив лодыжки.

Возможно, он может попробовать получить от праздника удовольствие, хотя бы ненадолго.

Как всегда, когда речь шла о его жизни, судьба предпочитала бросить монетку. Кейн почувствовал присутствие человека за спиной еще до того, как чужой голос начал царапать его слух.

– Ну-ка, посмотрим, что принесло нам приливом.

Кейну не было нужды оборачиваться, чтобы узнать говорившего. Он узнает этот отвратительный голос где угодно. Кейн еще глубже забился в кресло и не сводил глаз с Роува, обогнувшего стол. Именно сейчас, когда Кейн решил, что наконец избавился от мерзкого дельца, Роув бросил ему злобную ухмылку, сквозь расчесанные усы поблескивал золотой зуб. Волосы цвета соли с перцем были убраны с мясистого лица, а на голове красовалась новенькая кожаная треуголка, купленная, скорее всего, на золото Кейна.

Роув пришел не один. За ним будто тень следовал мальчик. Несмотря на то, что веснушчатая кожа цвета слоновой кости выдавала его юность, роста он был почти такого же, как и

капитан «Костяного Пса». Парнишка невыразительно взглянул на Кейна. Из-под копны кучерявых каштановых волос мерцали золотистые глаза, словно две капли звездной пыли упали ему на лицо. Кейн никогда вживую не видел ведьмину кровь, так как большинство ведьм остались в южном королевстве Тарран. Никакие истории не смогли бы подготовить его к встрече с поразительными золотистыми глазами и к магии, дарованной божествами земли, которым поклонялись в Тарране. Но он все равно старался равнодушно посматривать на новую тень Роува, склонив голову набок.

У Кейна скрутило внутренности. Демонстрация последнего трофея Кейну явно говорила о масштабности задумки Роува, какой бы тошнотворной она ни была.

– Где все твои маленькие друзья, Блэкуотер? – спросил Роув, и от хрипоты в его голосе у Кейна побежали мурашки. Если бы змеи могли говорить, их голоса звучали бы как голос Роува. Капитан «Костяного Пса» отлично знал, что у Кейна нет друзей, однако насмешки в цель не попали.

– Не смогли прибыть, – ответил Кейн, пожав плечами. – Только сказали что-то о том, что скорее умрут медленной и мучительной смертью от русалочьего яда, чем будут смотреть на твою уродливую рожу.

Роув не ответил, но усы его дернулись.

– Кому ты заплатил за ведьминого паренька? – спросил Кейн, сохраняя спокойное, будто чистый лист, выражение лица.

Взмахом руки Кейн отпустил оставшихся с ним членов команды. Они смешались с толпой, некоторые пьяно спотыкались, пытаясь удержаться на ногах.

– Ведьме Руин, – ответил Роув, плюхаясь в шаткое кресло напротив. Мальчик встал позади него вплотную. – Но кто сказал, что я заплатил ей?

– Ведьма Руин? Цилла Абадо говорила, что она ничего не дает бесплатно, – Кейн провел пальцем по ободку кубка, размышляя, не достать ли спрятанный под столом нож. Цилла никогда не лгала.

Роув уперся локтями в деревянный стол, разделявший их, и подался вперед.

– Она не давала. Скорее я сам взял. Но она сопротивлялась не так сильно, как я предполагал. Путешествие на Затерянный остров оказалось гораздо проще, чем могло быть, – его голос зазвучал тише, когда он еще ниже склонился над столом. – Она повелевает деревьями. Клянусь. Я слышал их шепот и видел их извивающиеся лианы. Ведьмина кровь действительно благословлена богами земли.

Мрачная мысль закралась в голову Кейна. *Было бы неплохо, если бы одна из этих лиан обвилась вокруг твоей шеи.*

Кейн сделал глоток вина, чтобы заглушить проклятия, рвавшиеся с языка.

– И как он тебя до сих пор не прикончил? Вид у него такой, будто он мечтает об этом. Я уж точно мечтаю.

Роув усмехнулся, будто услышал шутку.

– Видишь, что у него на шее?

Бронзовая лента спускалась на ключицу мальчика. Она не выглядела необычной.

– Купил у торговца в Сарве. Она проклята другой ведьмой. Держит его под моим контролем. Мне это стоило немало золота, – самодовольная улыбка тронула его губы. – Ее можно снять только с помощью магии, на случай если у тебя возникли героические идеи.

Кейн вздохнул.

– Что тебе тут нужно, Роув? Чего ты хочешь?

Роув наморщил лоб, изображая замешательство.

– Я же здесь на похоронах Ратборна. Так же, как и ты, всегда всех обвиняющий. Может, именно поэтому остальные до сих пор не приняли тебя в свой круг?

Кейн ударил кубком по столу. Вино выплеснулось через край, капнув на руку.

– Почему ты здесь? За моим столом. Почему не с остальным Костяными псами?

– Всего лишь хочу поговорить, – легко ответил Роув. – Хочу предложить сделку.

Кейн прищурился.

– Не трать силы понапрасну. Я не хочу иметь с тобой ничего общего отныне, ни с тобой, ни с твоим грязным золотом. Ты можешь отмыть его дочиста, но вонь все равно никогда не исчезнет.

– Возможно, ты передумаешь, услышав, что я скажу.

Кейн вспомнил их предыдущую сделку – тела, брошенные в море, людей, которых он заставил замолчать навечно во мраке ночи, ужасные секреты, которые ему пришлось хранить ради золота. Все ради того, чтобы вернуть «Стальной Жемчужине» былую славу, сделать ее такой, какой он ее помнил с детства. Но сейчас он пытался вести себя лучше, стать лучше. Те дни минули, а свой долг он вернул.

Роув воспринял молчание Кейна как данный ему шанс и откашлялся.

– Мне нужно, чтобы ты убил двух женщин в Порту Барлоу. Я в долгу не останусь, рассчитаюсь золотом.

– Мне не нужно твое золото, – Кейн резко встал. Ударив руками по столу, он наклонился вперед. Ему понравилось, как Роув вжался в кресло, и что усы его слегка подрагивали. Человек может купаться в сокровищах, но его богатство не купит ему храбрости.

– Я вернул долг. Я хочу быть свободным от тебя, – Кейн взглянул на мальчика-тень Роува, тут же пожалев о произнесенных словах.

Роув взглянул через плечо и понизил голос.

– Сделаешь это для меня, и я буду держаться подальше.

Заманчиво.

– Значит, две женщины? – с любопытством переспросил Кейн. Тут крылось нечто иное. Хотя Роув по своей природе был жадным и, в целом, паршивым человеком, убийство женщин не часто входило в его планы. – Почему?

– Не твое дело, Блэкуотер, – Роув запустил пальцы в бороду. – Вижу, ты мечешься. Твое каменное сердце дало трещину? Что сказал бы твоей отец о твоей слабости?

Кейн был в шаге от того, чтобы броситься через стол и послать к чертям малую толику уважения, которую он мог бы получить от старших пиратов. Несмотря на то, что он предпочел бы видеть Роува мертвым, он также не хотел прослыть задирой, который может взорваться в любой момент. Уважение приходилось зарабатывать. Так что когда-нибудь потом.

– Такой серьезный, – пробурчал Роув. – Отлично, перехожу к заключительной части. Испытания начнутся через одну луну, и я знаю, как сильно ты хочешь победить. Как сильно ты хочешь победить меня. Но у тебя не будет шанса сделать это, если эти две женщины будут жить.

Роув был прав в одном. Победить его было бы приятнее, чем стать Королем Костей и носить Костяную Корону. Но ответ Роува касался не только этого. Загадочная формулировка скрывала что-то еще.

– Почему они так важны? – спросил Кейн. – Какое отношение имеют к Испытаниям?

– Больше я ничего тебе не скажу, – Роув оттолкнулся от стола вместе со стулом, потянув мальчика за собой. – Если тебе интересно, то я остановился в гостевых покоях. Приходи один, как стемнеет, и мы продолжим беседу.

Кейн не принял, но и не отклонил предложение. Он решил посмотреть, к чему его подтолкнут вино и ветер. Если он и явится, то только за информацией. Не более того. Впутаться в очередную паутину Роува перед Испытаниями ему хотелось меньше всего. Особенно если это означает убийство невинных женщин.

Через несколько столов раздались одобрителыне крики, разрезав тишину между двумя капитанами. Кейн бросил взгляд на группу пиратов. Двое мужчин опирались на стол локтями,

схлестнувшись в поединке по армреслингу. Остальные стояли вокруг, делая ставки и бросая на стол деньги, монеты звенели, перекрывая ворчание мужчин.

Кейн взглянул на Роува, но тот уже исчез, скользая сквозь толпу, как змея через траву. Мальчик последовал за ним, но осмелился оглянуться на Кейна. Их взгляды встретились, и Кейн поклялся себе, что найдет способ прикончить Роува и освободить мальчика.

Возможно, он нанесет визит Костяному Псу.

Кейн стоял один в темном коридоре гостевых покоев. Внизу во дворе вовсю продолжалось веселье. В открытые окна лилась музыка. Свет луны полосой лег на пол, словно длинный сияющий ковер.

Он был тенью на стене, спрятавшись в нише за статуей Талоны, Богини Воды, чье благоговение ему было так необходимо. Терпение улетучивалось с каждым мгновением.

В конце коридора колыхнулась тень. Кейн вжался спиной в стену, не шевелясь, когда разносимый эхом звук шагов стал приближаться. Шаги становились все ближе и ближе, пока не замерли, и не послышался стук в дверь. Кейн медленно наклонил голову вперед, выглянув из-за плеча статуи Талоны.

Перед деревянной дверью стоял Громила Джарнис. Его бледная лысая голова поблескивала в свете луны будто мрамор. Дверь со скрипом открылась, и в коридор хлынул свет, осветив Джарниса по пояс.

При виде предателя Кейн коснулся грубого шрама на груди. В холодную погоду, когда кожа натягивалась от озноба, шрам все еще болел. В тот день Кейн не почувствовал, как топор вонзился ему в грудь. Он оцепенел от ужаса, решив, что удар был смертельным и его кровь, вытекающая жизненной силой, окрасит палубу корабля. Боль пришла через пару дней после дуэли. Это был ад, полный проклятий.

Затем в дверях появился Роув. Он жестом пригласил Джарниса войти, выглянул в коридор, взглянул налево и направо и закрыл дверь.

Проклятье.

Из коридора он не мог их услышать. А попытаться подслушать через дверь было слишком рискованно. Потом его взгляд упал на окно и карниз по ту сторону колеблющихся занавесок.

Так тихо, как только было возможно, он вышел из своего укрытия в тени и прокрался к окну. Уперся в раму руками и ступил на карниз, тщательно следя, куда ставит ноги. Вытолкнув в окно свое тело, Кейн прижался к каменной стене дворца, все еще сжимая рукой раму изнутри так сильно, что ему казалось, кости в пальцах дали трещину. На высоте ветер хлестал еще безжалостнее, рвал одежду Кейна, развевал черные волосы, бросая их в лицо так, что они облепили его будто маска. Кейн пожалел, что ради праздника не убрал их в узел.

Музыка празднования так и манила его, умоляя взглянуть вниз и тут же задохнуться от страха и внезапного осознания того, что он стоит на карнизе снаружи проклятого дворца. Говоря начистоту, это сводило его с ума. Одно неверное движение означало бы раннюю смерть и целую неделю отмывания двора от крови.

Он закрыл глаза и глубоко вздохнул, прежде чем скользнуть ногами дальше по уступу. Живот был прижат к стене, а пальцы искали, за что бы ухватиться, но не находили. Еще немного, и Кейну удалось вцепиться в золотую статую морского змея, извивавшуюся в желобе, сделанном в гладкой кремовой кладке.

Он вытянул голову и увидел следующее открытое окно по другую сторону от змея. Проскользнув в пространство между статуей и стеной, придвинулся ближе и наострил уши. Сердце в груди бешено колотилось.

А потом раздались их голоса.

– Он явился? – пророкотал низкий голос Джарниса.

Роув шикнул на него.

– Тише, – сказал он тихо. – Нет, не явился.

– Я же говорил, что так и будет. Он слишком любит женщин, чтобы убивать их.

– Но золото парнишка любит не меньше. Если бы он пришел сегодня, то заключил бы отличную сделку.

Кто-то зашевелился, ударив обо что-то стулом. Голос Роува был таким тихим, что Кейн почти не слышал его слов.

– С Кейном или без него, Штормы должны умереть. К началу Испытаний Наследник не должен оставаться в живых. Когда я отправлюсь в Порт Барлоу, мне нужно, чтобы ты заявил мои права на Испытаниях. Знаешь дорогу до Перекрестия Костей?

Приглушенные мужские голоса слились воедино, а сознание Кейна изо всех сил пыталось остаться на плаву в охватившем его водовороте секретов. Он оттолкнулся от стены, ветер все так же трепал волосы, а пришедшее понимание того, что он только что услышал, мешало сосредоточиться на захвате змея.

Наследник. Наследник был. Штормы живы. Каким-то образом потомки первого Короля Костей, Капитана Шторма, все еще живы. На протяжении многих лет на рынках Балтессы до него доходили слухи о девочке, унесенной из дворца во мраке ночи, но тогда он и представить не мог, что это не просто слухи.

Испытания незаконны. Королева Костей уже существует.

Если бы наследница знала, кто она такая, если бы она заявила о своих правах на трон до начала Испытаний, его мечты о победе потеряли бы любой смысл – она легко забрала бы у него Костяную Корону только благодаря крови, текущей у нее в венах.

Его надежды и мечтания испарились. Без малейшего труда. Впрочем, с новыми знаниями, он мог либо распрощаться с честолюбивыми стремлениями, либо позволить Роуву довести начатое до конца. Чего он точно не мог делать, так это просто сидеть и ждать.

Глава 6

Цилла

Сарва

Середина Красновоя

Цилла не сомневалась, что в труппах Сарвы есть своя красота. Ветхие здания, дороги – сплошная грязь вместо грунта, и казалось, что над островом навечно зависла дождевая туча. Но за Коралловым мостом все было совсем иначе, Равана сияла. Белоснежные дома состоятельных жителей всегда искрились под дождем, будто насмешка старшего, более привилегированного брата, над Сарвой. И пока Равана сияла бриллиантом в солнечных лучах, Сарва являла собой тайное сокровище.

Направляясь к таверне на углу, шлепая ботинками по лужам, Цилла разглядывала прилавки открытого рынка, раскинувшегося вдоль улицы. Она уже купила новые, ручной работы, колокольчики на окно в свою каюту у одного продавца и ящик керамики – у другого. А одного только запаха пряной свинины было достаточно, чтобы она согласилась отдать все свое золото за одну маленькую тарелку.

Главным отличием этого рынка от рынков Инцендии были люди, встречавшиеся на улицах. Цилла миновала ненормально высокого мужчину с татуировками, которые обвили его руки так, что те казались полосатыми. Затем была женщина с гладко выбритой головой и пробками, вставленными в проколотые мочки ушей, они растянулись почти до плеч. Было несколько женщин, носивших юбки как инцендианки, но были и другие, предпочитавшие юбкам брюки, подобно Цилле и другим Девам, а также встречались мужчины в париках и юбках.

Сарва давала Цилле возможность чувствовать себя свободной, поэтому команда задержалась на заливаемом дождем острове на пару недель, вместо того чтобы рвануть на Перекрестие, едва пришло послание от Локхарта. Вскоре, когда она устанет и будет истекать кровью, проходя Испытания, она захочет вернуться сюда.

Цилла вошла в таверну, сняла промокший плащ и направилась к пустующему столику у стены. Она повесила плащ на спинку свободного стула и махнула одной из барменш, которая раньше уже обслуживала ее. Цилла наблюдала за дверью, ожидая прихода Роды и Нары, но еще до того, как они явились, ей подали невысокий бокал с ромом. Цилла сделала большой глоток, позволяя теплу течь вниз по горлу, будто это тепло могло залечить все раны внутри нее.

Она была не из тех, кто лжет себе, – у нее были свои демоны, с которыми предстояло столкнуться лицом к лицу, но она встретится с ними, когда будет готова. Было бы глупо приоткрывать, что ее жизнь лишена разных трудностей. Не было смысла покрывать тайной каждый

ее темный уголок, делать вид, будто их не существовало. Но, быть может, ром прояснил бы все сложности на одно короткое мгновение.

Циллу замутило. Она снова сглотнула, пытаясь избавиться от привкуса во рту, и одним пальцем отодвинула стакан. Жидкая отвага ей больше не по вкусу. После той ночи с Флинном.

– Ты не слишком юна, чтобы пить, девочка? – прошептал чей-то голос рядом с ее ухом. Она всегда выбирала именно эту таверну, чтобы избежать пьяных недоумков. Будь она мальчиком, мужчина и не подумал бы задавать вопросы.

– Поворачивай отсюда и вали, – сказала Цилла, не глядя в сторону говорившего. Тревога пробежала мурашками по ее спине. Он стоял слева, на той проклятой стороне, которая оставалась слепой зоной для нее. Окажись он справа, она могла бы прикинуть его размер по отбрасываемой тени.

Мужчина усмехнулся.

– Я не повинуюсь приказам маленьких девочек. Почему бы тебе не пробежаться до дома к мамочке?

Он вдруг оказался слишком близко, голос проникал ей прямо в ухо, а смрад окутывал. Цилла развернулась к нему лицом. Кровь бурлила в ее жилах не только потому, что он перешел границу, но еще и из-за того, что она подпустила его слишком близко, ничего не заметив. К тому же, разговор зашел о матери.

Он был именно таким, каким она представляла – сальным, лысеющим, без зубов. Наглая ухмылка исчезла, когда она посмотрела ему в глаза. Цилла убедилась, что он внимательно наблюдает за ней, и тогда со знанием дела вытащила из ножен один из припрятанных клинков, приставив острое к его животу.

– Попробуй еще раз меня оскорбить, я выпотрошу тебя как свинью, от пупка до носа. – Клинок обратился в перо, которым она легко провела по его груди. – Это будет довольно просто.

Ее голос звучал так ровно, что даже она сама поверила в свою ложь.

Кадык мужчины дернулся, когда он попятился прочь.

– Мудрое решение, – сказала Цилла, кивнув. – Впрочем, мои гончие расстроятся, что сегодня вечером останутся без ужина.

Кровь отхлынула от лица мужчины, когда он отхлебнул эля из своей кружки. Не сводя глаз с Циллы, он поставил пустую кружку на стол и, спотыкаясь, направился к двери.

По полу скрипнул табурет, Цилла переключила свое внимание на звук. Нара села за стол, ее дымчатые глаза с любопытством наблюдали за Циллой. Шелковистые черные волосы ниспадали каскадом на плечо.

– Когда это ты купила собак? – спросила Нара, приподняв бровь.

– А я не купила, – ответила Цилла, пряча клинок в кожаные ножны за спиной. – Где близнецы?

– Серафина нашла торговца, который продает какие-то специальные взрыватели для их самодельных дымовух. – Нара сделала большой глоток эля и заправила волосы за ухо. – Розалина гостит в Раване, у того симпатичного богатого мальчишки, которому принадлежат все торговые корабли в восточном доке.

Цилла улыбнулась тому, какими разными были близнецы, почти такими же разными, как она и Рода.

– Ты держалась с этим куском сала значительно любезнее, чем вела бы себя я, – вмешалась в разговор Рода, занимая место за столом. – Я бы покончила с этой задницей, едва он шагнул бы ко мне.

Жар разлился по шее Циллы. Она сделала бы то же самое, если бы вовремя заметила. Если бы он напал сразу, она не успела бы себя защитить. Эту дыру в своей броне она игнори-

ровать не могла. Если она едва способна защититься от старого пьяницы, как можно рассчитывать на победу в Испытаниях, где предстоит сразиться с величайшими капитанами Церулии?

– Цилла? – позвала Нара, понизив голос. – Что-то не так?..

– Я в порядке, – перебила Цилла, отводя взгляд от двух пар глаз, пытающихся заглянуть за ее защитную стену. Она не нуждалась в жалости и не желала ее. Она сама навлекла на себя слабость, проклинала в большей степени себя, чем магию Ведьмы Руин, из-за которой она лишилась зрения.

Она продолжит говорить своим Девам, что все в порядке. Ее работа в качестве капитана заключалась в том, чтобы быть в порядке, даже если это не так.

Но, возможно, есть способ действительно быть в порядке.

Возвращение на Затерянный остров оказалось не самой блестящей идеей. Из-за тумана, плотно накрывшего прибрежные воды, внутренности у нее в животе скрутились еще сильнее. Где-то в этом тумане покоился Затерянный остров, такой же загадочный и пугающий, как когда она впервые увидела его, заросший густой растительностью.

Легенды рассказывали о том славном прошлом, когда остров еще не был Затерянным. Раньше он назывался Аланнис и был объединенным городом Церулии и Террана – южного королевства, где поклонялись богам земли. Два народа гармонично уживались на одном острове. Если бы Цилла вгляделась в нечто, маячившее между верхушками деревьев, то узрела бы руины города, погибшего в древней войне между богами и богинями. Обломки выцветшего белоснежного мрамора выглядывали сквозь бурную зелень, приветствуя Циллу как старую знакомую.

– Не следовало нам сюда идти, – прошептала Рода, стоявшая рядом с Циллой. – Твой последний визит сюда закончился не слишком хорошо.

Рода была права, как всегда. Свое последнее, почти год назад, путешествие к руинам восточного острова Цилла совершила одна в отчаянной попытке спасти мать. Не желая, чтобы Девы знали правду об истинных причинах ее частых визитов к ведьме, обитавшей в тумане среди спутанных лоз, она смогла сохранить лицо, солгав Девам. Она объявила, что ведьма прокляла ее слепотой за то, что Цилла ступила на Затерянный остров. Любое проявление слабости перед женщинами, которые до сих пор спорили, какая из сестер Абадо стала бы лучшим капитаном, было равнозначно проклятию. Хотя она была капитаном вот уже три года.

Цилла вздрогнула, но не из-за холода. Рода схватила ее за плечо, будто пытаясь снять часть груза, который она несла, но якорь остался на том же месте. Цилла отстранилась и обхватила себя руками.

Если бы во время стоянки дела пошли плохо, им очень пригодился бы безупречный выстрел Флинна. Сказать по правде, она хотела взять его в плен, когда по ее воле он стоял перед ней на коленях. Раньше она оценила бы его поддержку. До предательства. До того, как она стала капитаном, и тяжелое бремя ответственности легло на нее. В те времена, когда они были друзьями. Друзьями, которые больше всего на свете обожали спорить друг с другом, но все равно оставались друзьями.

Возможно, отпустить его было ошибкой. Она отмахнулась от этих мыслей.

– Напряжение перед Испытанием слишком велико, – Рода подошла ближе, коснувшись руки Циллы. – Позволь мне помочь. Позволь снять с тебя часть ответственности, прежде чем она задушит тебя.

Где же было ее сострадание, когда наследницей называли Циллу? На мгновение она задумалась, было ли беспокойство Роды искренним или же это всего лишь уловка, чтобы снять капитанский меч с ее пояса. Она вспомнила день, когда этот клинок впервые оказался у нее в руках, день, когда все изменилось.

Ее физические раны зажили за время, минувшее с того дня, но сама она еще не оправилась. Не полностью. Цилле было шестнадцать, Роде – почти двадцать. Любой разумный человек сделал бы ставку на победу Роды. Проклятье, Цилла поняла, что ее ждет избиение, в тот же момент, как слова сорвались с губ их бабушки.

Старуха со стальными глазами и взглядом, от которого взрослый мужчина мог бы содрогнуться, приказала Цилле и Роде выйти на середину палубы, их окружали Девы. Когда она склонилась, опираясь на трость, которая использовалась скорее для битья, чем для ходьбы, то оглядела обеих, затем кивнула.

– Мои внуки, – произнесла она тонким и хриплым голосом, севшим из-за того, что годами бабушка выкрикивала команды по всему кораблю. – Вы обе проявили себя как выдающиеся Девы. Поскольку мое время в этом мире подходит к концу, одна из вас должна занять место капитана этого корабля, этой команды, принять наследство.

Рода, стоявшая рядом с Циллой, вздернула подбородок.

– На каждом корабле выбирают капитанов по-своему, – продолжала бабушка. – Костяные Псы покупают себе дорогу к рулевому колесу. Сыны Анафины капитана избирают. Наш корабль, подобно «Стальной Жемчужине» Блэкуотеров, передает капитанское звание по линии крови.

Тогда Цилла взглянула на сестру. Рода едва сдерживала улыбку, уголки ее губ слегка изгибались. Цилла знала, что бабушка назначит капитаном Роду. В конце концов, она старше и заслужила это. Рода тренировалась усерднее, чем любой новобранец, которого доводилось видеть Цилле.

Во время обучения в столице она побеждала в рукопашной схватке любого, включая мальчишек, была каждого, кто смел дразнить Циллу – самую младшую и самую маленькую среди всех. Рода даже угрожала Флинну за то, что тот все время пялился на ее сестру.

– Но в отличие от Блэкуотеров, – сказала бабушка, снова привлекая внимание Циллы, – я не стану называть наследником старшую из вас.

Тишина.

Даже волны затихли.

– Что? – спросила Рода, и ее тихий вопрос породил шум среди притихших было Дев.

– Вместо этого вы сойдетесь в дуэли.

Девы ахнули, но только не Цилла. Она забыла, как дышать. Она поймала взгляд Нары, стоявшей в круге, подруга внимательно наблюдала за ней. Хотя на лице Нары не появилось никакого выражения, в ее обсидиановых глазах читалась печаль и даже неуловимый страх. Близнецы стояли рядом, и их лица были одинаковыми, разве что Серафина жевала листочек мяты.

Цилла ожидала от Роды шквала проклятий и вопросов, почему их бабушка приняла такое решение, но Рода молчала, глядя в пустое пространство, мышцы ее скул подрагивали.

– Бабушка, – сказала Цилла, во рту у нее внезапно пересохло. – Ты хочешь, чтобы мы сразились?

Может, она ослышалась?

– Да, – ответила бабушка. – Капитану единственного женского экипажа в Морских Сестрах предстоит столкнуться со множеством невзгод, вы обязаны быть сильными. Так кто же из вас сильнее?

В ответ на ее слова Рода обнажила меч. Кровь отлила от лица Циллы. Ее сестра сделала шаг назад, прежде чем броситься в атаку, давая Цилле время достать меч, чтобы отразить первый удар. Девы расступились, сделав круг шире, когда две девушки сошлись в центре.

Цилла давила изо всех сил на сталь меча Роды, но острое меча сестры все равно оказалось в опасной близости от ее лица. По щеке Циллы заструилась кровь. Страх, охвативший Циллу в тот момент, не был похож ни на что из того, что ей приходилось когда-либо чувствовать. Она годами боялась потерять свою хрупкую мать, боялась того, какую огромную дыру проделает в сердце ее смерть. Она боялась своих соперников во время спаррингов. По мере того, как в глазах Роды разгорался огонь, кровь Циллы леденела в жилах, руки ее дрожали, а зубы стучали. Неужели Рода действительно сделает ей больно ради того, чтобы стать наследницей?

Ответ Цилла получила, когда Рода пошла в атаку, направив меч вниз, рассекая ее правое бедро. Цилла чуть не выронила оружие от жгучей боли, но если бы она позволила себе эту слабость, то только подлила бы масла в огонь. Поэтому она сжала рукоять изо всех сил и подняла меч как раз вовремя, чтобы отразить следующий удар Роды, ее руку пронзила боль, по стали и костям прошла дрожь. Рода наносила удары снова и снова, а Цилла едва успевала их отражать.

Она могла бы дать отпор. Она могла бы атаковать в самом начале их дуэли. Но не сделала этого.

С кровоточащей ногой, рукой и тыльной стороной ладони она, спотыкаясь, отшатнулась от Роды, прижавшись к границе круга Дев. Собрав остатки сил, Цилла подняла меч над головой и бросила его на палубу. Грохот заставил Роду остановиться, как вкопанную. Она замерла на середине атаки, поднятый клинок сверкнул на солнце.

– Я не стану с тобой драться, – сказала Цилла слабым и дрожащим голосом. – Я отказываюсь драться с тобой.

– Не смей сдаваться, – резко зашептала Рода, будто ее могла услышать только Цилла. – Бейся со мной. Пожалуйста.

В ее взгляде сквозило отчаяние, она умоляла Циллу дать ей шанс доказать свою силу бабушке. Но Цилла даже не попыталась поднять меч.

– Дерись со мной! – закричала Рода. Цилла всегда завидовала угловатым чертам лица сестры и тому, как солнце играло на ее скулах. Но в этот день злость омрачила их, сделала резкими и жесткими, раньше Цилле такого видеть не доводилось.

– Цилла, – вмешалась бабушка. – Почему ты не хочешь драться?

Все взгляды устремились на нее, пытаясь заглянуть внутрь, пытаясь разглядеть смятение, бушевавшее в ней. Но она не позволила им увидеть себя настоящую – маленького котенка среди свирепых диких кошек. Ее подбородок задрожал, и она крепко стиснула челюсти, чтобы унять дрожь. Глубоко вздохнув, она ответила на вопрос своего капитана.

– Рода – моя сестра, – голос звучал предательски по-детски. – Она моя родная кровь. Я не буду драться с ней за титул и корабль. Делай ее своей наследницей. Пусть она будет капитаном. Она хочет этого больше всего на свете. Училась этому всю свою жизнь. Я не стану проливать кровь того, кого люблю, ради власти.

После слов Циллы яростный взгляд Роды смягчился. Она медленно опустила меч, с облегчением выдохнув. Бабушка, прищурившись, внимательно наблюдала за Циллой. Цилла была уверена, что совершила самую ужасную ошибку в своей жизни, когда открыла рот, и будет теперь наказана за это тростью, которую бабушка сжимала в руках.

– Цилла Абадо, – сказала бабушка. – Дочь Солейл Абадо. Младшая из потомков Абадо. Ты не подчинилась прямому приказу своего капитана.

Цилла приготовилась к любому наказанию, какое бы ее бабушка ни выбрала, остальным Девам ее боль послужит примером. Верность была одним из самых основных и важнейших нравственных постулатов среди Алых Дев. Даже члены семьи капитана не могли уйти безнаказанными. Цилла лишь надеялась, что будет не слишком больно.

– Но своим неповиновением, – продолжала бабушка, – ты показала, что в тебе больше силы, чем я полагала. Именно в тебе я вижу наше будущее, парящее высоко над флагами других кораблей. Я объявляю своей преемницей тебя, Цилла Абадо.

И вот тогда Рода разразилась шквалом громких проклятий, некоторые из которых Цилла никогда раньше не слышала. Когда ярость ее наконец утихла, она заговорила, голос дрожал, а глаза полны непролитых слез.

– Я была сильной ради тебя, бабушка, – Рода яростно утерла глаза тыльной стороной ладони. – Я тренировалась день и ночь. Я проделала работы больше, чем любая женщина на этом корабле. Я стала орудием – для тебя! Я такова, какой ты меня сделала!

– Твоя тяжелая работа не осталась незамеченной, Рода, – голос бабушки был утешающе спокоен. – Но силу можно определить по-разному. Цилла сильна в том, где ты слаба. Ты позволяешь своим эмоциям управлять собой, выбор делаешь не ты, а твои ярость и ревность.

– Я... я... – Рода задумалась над словами, ее взгляд скользнул по палубе, а затем вернулся к бабушке. – Прошу прощения за свою опрометчивость.

Она снова вытерла глаза, потом слезы закончились, и она глубоко втянула воздух носом, собираясь с духом. Рода сцепила руки за спиной и склонила голову перед бабушкой. Цилла стояла достаточно близко, чтобы быть единственной, кто услышал ее бормотание.

– На ее месте должна быть я.

А потом она развернулась на каблуках и ушла. Девы расступились, пропуская ее, на их лицах смешались недоверие, сочувствие, а у некоторых проскользнул гнев.

Минули недели, прежде чем Рода хотя бы посмотрела на Циллу, ей потребовался остаток всего сезона морозов, чтобы смириться с присутствием младшей сестры.

Но когда их бабушка ушла в небытие, всего через две луны после того, как объявила наследницей Циллу, Рода спрятала свое презрение и стала вести себя так, будто дуэль никогда не происходила. Они остались одни друг у друга. Лучше было держаться вместе, чем позволить зависти разлучить их.

Рода никогда не просила прощения. Но ей и не приходилось этого делать.

Цилла все равно прощала ей все ошибки.

И теперь, когда они обе стояли у борта корабля, Рода смотрела на нее умоляюще, ожидая от Циллы ответа на свое предложение взять на себя бремя ответственности.

Ответственности Циллы.

– Я избранная, Рода, – раньше Цилла с радостью отдала бы бразды правления сестре. – Я должна принять участие в Испытаниях, если хочу, чтобы эти мужчины уважали меня.

– Я знаю, малая, – Рода положила руку на плечо Циллы и притянула ее к себе. Мертвая хватка не давала возможности пошевелиться. – Я просто не хочу смотреть, как ты умираешь. Вот и все.

В тоне Роды прозвучало некоторое разочарование, но Цилла решила не обращать на это внимания. Она не ответила, вглядываясь в окутанное туманом ущелье в расщелине между двумя скалами. Неровные края уже вцепились в нее, душили, – а ведь она еще даже не покинула безопасную «Алую Деву». Виноградные лозы свисали, будто веревки, обвившие шею Циллы всего пару лун назад.

– Именно поэтому нам нужно преимущество, – заверила сестру Цилла, но обращалась она скорее к самой себе.

Рода убрала руку с плеча Циллы и ухватила за грубый деревянный поручень.

– Они недооценивают нас. Вот в чем наше преимущество.

– Вспомни Блэкуотера и его экипаж или Флинна. Костяные Псы Роува легко свернут нам шею. Моя лодыжка все еще болит, я наполовину слепа. Что я могу против них?

– Ты закончила? – спросила Рода, пихнув ее. – Это, должно быть, самая нелепая вещь, что ты когда-либо произносила, Цилла. – Она скрестила руки на груди. – Слушай внимательно.

Я скажу это только один раз, бабушка выбрала капитаном тебя по своим определенным причинам, даже если я не согласна с ними.

Конечно, она не согласна.

Она сделала драматичную паузу.

– Но я не могу отрицать, что с тех пор, как ты взяла бразды правления в свои руки, я видела кое-что хорошее. Не так много, как сделала бы я, но это сейчас неважно.

– Я не сделала ничего, только приняла дело после смерти бабушки.

Цилла отвернулась и направилась к шлюпке, прикрепленной к левому борту корабля. Рода последовала за ней.

– Ты права. Поначалу ты не так много сделала. Но твоя недисциплинированность дала нам свободу, которой никогда не давала бабушка. Ты позволяла мне тренироваться с кинжалами, когда я этого хотела, поощряла эксперименты Серафины и Розалины. Благодаря этому они создали те дымовые шашки, которые помогли тебе сбежать. А Нара стала иногда улыбаться. Она улыбается. Всё это, все мы, такие, какие мы есть, и есть угроза для всех тех мужчин. И это благодаря тебе. Меня это очень воодушевляет. Только подумай, что, если мы, команда молодых женщин, выиграем Испытания? Что это будет значить? Что, если у нас будет *королева*.

Цилла позволила словам Роды проникнуть в сознание, пока возилась с веревками, опуская шлюпку на воду. Она не могла позволить Роде пойти с ней; в противном случае та узнала бы правду о слабости Циллы и о том, как она на самом деле потеряла зрение. Возможно, у Роды и были какие-то подозрения, учитывая ее осведомленность о пузырьках с лекарствами, которые Цилла получила для их матери. Возможно, позволить ей пойти с собой было не такой уж плохой идеей на случай, если ведьме не понравится, что Цилла возвращается вновь и просит еще больше магии.

– Обычно ты меня не хвалишь, – сказала Цилла, перелезая через деревянные перила и спускаясь в лодку. – И, сказать по правде, я отчетливо помню, как ты пыталась убить меня, когда бабушка приказала нам драться.

На губах Роды появилась злая усмешка.

– Можешь списать все на мой дух соперничества. Я старшая. Корабль должен был быть передан мне. Кроме того, тебе было всего шестнадцать, и ты стала самым молодым капитаном. Я завидовала.

– Логично. – Откликнулась Цилла. – Спусти меня на воду, пожалуйста.

– Позволь мне пойти с тобой, – Рода так крепко вцепилась в веревку, что костяшки ее пальцев побелели. Сердце Циллы наполнилось теплом, когда глаза Роды заблестели, а губы надулись. Она не смогла сопротивляться этому.

– Ладно. Залезай.

Рода перепрыгнула через борт лодки, та закачалась взад-вперед от внезапного прибавления веса.

– Спасибо.

– Не благодари, – Цилла приподняла бровь. – По возвращении ты отправишься чистить картошку.

Со стоном Рода спустила их на воду.

– Ты меня в могилу сведешь, Цилла.

Цилла улыбнулась, встав на носу лодки, а Рода схватила весла и увела их прочь от корабля, в неизвестность.

Глава 7

Цилла

Затерянный остров

Середина Красноя

Было слишком тихо, когда лодка приблизилась к берегу острова руин и последовала по руслу узкой реки, извивающейся по земле дикой и непредсказуемой. Чем дальше гребли Цилла и Рода, тем плотнее стояли деревья, росшие по берегам узкого русла. Толстые, покрытые мхом лианы свисали так низко, что касались плеч Циллы, и ей приходилось пригибаться, чтобы не запутаться в них. Магия земли была здесь сильнее, чем где-либо еще к северу от Террана, где бескрайние леса образовывали собственное море.

Нервы бурлили как кипящая вода, и Цилле с трудом удавалось усидеть на месте. Все инстинкты умоляли развернуться и вернуться на корабль, но сердце подсказывало, что это правильный шаг. Это была азартная игра, в которую она вступила ровно в тот момент, когда бабушка вложила ей в руку капитанский меч.

Слева зашумели деревья, и Цилла резко повернулась, чтобы встретить угрозу. Никого не было. Кроны деревьев над головой шевелились, шипели о невысказанных тайнах.

– Она знает, что мы здесь, – тихо констатировала Цилла.

– С чего ты взяла? – Рода в замешательстве вздернула брови.

Цилла указала наверх.

– Они шепчутся друг с другом.

Лицо Роды побледнело, она перевела взгляд с деревьев на сапоги. Хорошо, что она испугалась. Возможно, это убережет ее от безрассудства.

Они гребли еще некоторое время, и Цилле начало казаться, что она вот-вот лопнет от переполнявшего ее напряжения. Она много раз посещала Ведьму Руин перед своим последним путешествием и каждый раз входила в это место с надеждой. Но теперь, когда она явилась на Затерянный остров попросить большего, чем просто лекарства и исцеляющую магию, она боялась услышать цену. Каждая сделка ей чего-то стоила. Сначала одной из кукол, сшитых матерью, затем любимого меча, а последней ценой стал ее левый глаз. Страх перед неизвестностью глодал Циллу, как крыса, прогрызающая в стене дыру. Что Рода подумает, когда узнает всю правду о ее отношениях с ведьмой? Что ведьма потребует на этот раз, и сможет ли она заплатить?

Река продолжала сужаться, пока не показался небольшой причал. От его знакомого вида у Циллы волосы встали дыбом, и, хотя воздух был теплым и влажным, по спине пробежал холодок.

Ведьминское проклятие звенело у нее в голове.

Собель лишена шобенаску. Собель лиштеса яхаррен это.

Цилла ни разу не спросила, что значили эти древние слова, но они врезались ей в память и постоянно звучали в ее мозгу в темные ночи.

От воспоминаний о том дне у нее снова скрутило живот. Она не могла избавиться от образа Ведьмы Руин, ее глаз, горящих темной магией, не могла забыть, как ее собственный глаз жгло, будто огнем, когда радужка растворялась в белизне слепоты. Головные боли от привыкания к новому зрению поначалу были невыносимы, но торговец в Сарве продал ей траву, которая помогла уменьшить давление, распиравшее голову изнутри. Именно травма от проклятия причиняла Цилле больше всего боли, и решить эту проблему было труднее всего. А хуже всего, что она добровольно отдала свой глаз. Слабость, которую не исправить – вот что сказала бы об этом Рода.

– Выглядишь так, будто увидела призрака, – прошептала Рода.

Цилла моргнула, поняв, что они остановились у причала. Компас, который она держала в руке, выпал, но она не слышала его стука о дно лодки. Она слышала только слова резко произнесенного проклятия.

– Давай быстрее покончим с этим, – сказала Цилла, отказываясь реагировать на беспокойство сестры. Рода последовала за ней и вышла из лодки, звук обнажаемого меча разорвал тишину. – Тсс. – С упреком прошипела Цилла. Она не хотела, чтобы деревья рассказали ведьме о присутствии пиратки с острым мечом.

Им даже не потребовалось заходить далеко в джунгли, чтобы затеряться среди деревьев, стволы которых были толще мачт «Алой Девы». Позади Циллы Рода прокладывала себе путь мечом, рубя лианы и кусты направо и налево, Цилла же мягко отводила растения в сторону, не желая злить их и, что было бы еще хуже, ведьму. Говорить Роде опустить меч было бесполезно. В ответ она услышала бы только рычание.

Они миновали последний участок удушливой растительности и вышли на узкую поляну. Слева стояла маленькая лачуга, немногим больше той, в которой росли Цилла и Рода в Макайе. Между домом и стеной деревьев раскинулся сад. Ближе всего к ним располагалась костровая яма, пламя в ней погасло, от пепла поднимался дым. Все это: запах жженого дерева, густой влажный воздух, пение птиц в кронах деревьев – напоминало Цилле о доме, о Макайе, о матери, которую она не смогла спасти от смерти, несмотря на то, чем пожертвовала.

– Должно быть, ты совсем глупа, раз вернулась сюда, Цилла Абадо, – за их спинами раздался чувственный женский голос, заставивший Циллу и Роду обернуться. Рода направила свой меч на зелень, готовая к атаке. Но Цилла оставалась неподвижной. Она слишком хорошо знала голос Ведьмы Руин. Ведьма вышла из тени на солнечный свет. Несмотря на годы, кремowego цвета с веснушками кожа ведьмы казалась нестареющей. Казалось, она оставалась вечно молодой, пока мир вокруг нее увядал. Ее золотые глаза поражали воображение, сколько бы раз Цилла ни видела их. У всех ведьм были золотые глаза, но только у Ведьмы Руин глаза мерцали, когда она двигалась. Рыжевато-золотистые волосы были в полном беспорядке, но шарф зеленого и янтарного цветов удерживал непослушные пряди от падения на лицо, открывая взору ее впалые щеки.

Цилла замерла и вздохнула.

– Ты следила за нами?

– Твоя сестра ведет себя до боли громко, – ответила Ведьма Руин. – Мне было любопытно, похожа ли она на тебя и твою мать.

– Но ты знала, что мы идем, – вмешалась Рода, заставив Циллу поежиться. – Так зачем же тратить силы на слежку за нами?

– Рода, – перебила ее Цилла. – Хватит.

– Я отвечу на ее вопрос, Цилла. Я не приложила никаких усилий на то, чтобы выследить тебя. Я всего лишь хотела взглянуть на тебя, прежде чем ты откроешь рот. – Ведьма Руин

коснулась кончика меча Роды острым ногтем и оттолкнула лезвие в сторону. – Позволь предупредить, я бы предпочла, чтобы ты держала рот закрытым.

Она прошла мимо сестер, оставив позади и их, и деревья.

Цилла смотрела ей вслед. Возможно, у них был шанс получить здесь необходимую помощь. Этот маленький огонек надежды растопил мучительный леденящий страх, от которого в венах стыла кровь.

В доме Ведьмы Руин все было так же захламлено, как помнила Цилла. Полки наполнились пузырьками с разноцветными порошками и жидкостями, конечностями разных животных и богатым выбором свечей, мисок и горшков. Огонь горел в очаге в дальнем углу хижины, наполняя небольшое пространство пряным ароматом. Желудок Циллы заурчал в ответ.

– Что заставило тебя вернуться на Затерянный остров, капитан Абадо?

Ведьма Руин устроилась в кресле, накрытом потрепанным флагом флота Инцендии. Цилла на мгновение задумалась, каким образом он к ней попал, и удалось ли кому-то из команды выжить. Длинные ногти ведьмы постукивали по деревянному подлокотнику, пока она наблюдала за Циллой.

– Разве ты осталась недовольна последним подарком, который я преподнесла тебе?

– Твоим последним подарком для нее был слепой глаз, – влезла Рода. – Ты это называешь подарком? Я тоже могу сделать такой. Возьму свой меч и воткну тебе его в...

Приглушенные звуки возражений сменили громкий голос Роды. Цилла обернулась и увидела сестру с широко распахнутыми испуганными глазами и сомкнутыми губами. С бешено колотящимся в груди сердцем Цилла развернулась к ведьме, готовая к сражению. Не следовало никого брать с собой. Особенно Роду, которая никогда не умела держать рот на замке. О чем Цилла думала, взяв ее с собой сюда?

Рода попыталась атаковать, но магия оказалась стремительнее, чем можно было себе представить. Цилла моргнула, и нож с разделочной доски пролетел через всю комнату, замерев перед Родой. Кончик лезвия находился в опасной близости от ее глаза.

– Не волнуйся, – успокоила Ведьма Руин. – Это временно. Как только она покинет остров, сможет дать волю своему острому язычку, даже если это причинит ей такую боль, какую она раньше не испытывала. Но если она снова пошевелится, то и кинжал сделает то же самое. – Она бросила на Роду упреждающий взгляд. – А теперь давай продолжим. На этот раз только ты и я. Вижу, ты не сказала сестре правду о потере зрения.

– Нечего рассказывать, – ответила Цилла, чувствуя, как взгляд Роды прожигает ей спину. Но она отказывалась оборачиваться.

– Ты можешь лгать своей сестре, но мне не лги, девочка, – Ведьма Руин сощурила глаза. Ногти перестали постукивать. Она замерла, будто ожидая реакции Циллы.

Это что, проверка?

Цилла некоторое время молчала, обдумывая, что ответить. Она не хотела обидеть ведьму или рассердить ее каким-либо способом и вынудить тем самым забрать у Циллы что-то еще. Она перебирала в уме варианты того, что ведьма могла с ней сделать. Она может забрать второй глаз или слух. Или она вырвет сердце ей из груди, или, что еще хуже, проклянет ее на такую мучительную смерть, что содрогнулись бы даже боги и богини.

– Я не лгала о проклятии, – ответила Цилла, выбрав честность. – Но я не углублялась в детали нашей последней встречи.

– Почему же? – ведьма вздернула одну бровь.

– Ты знаешь, почему, – Цилла оглянулась на Роду.

– Когда ты берешь что-то у земли, ты должна отдать что-то взамен. Так работает моя магия. Так работает вся магия ведьм. Тебе не постигнуть то, что я отдала богам земли за силу, которой обладаю. Твоя сестра должна знать, ради чего ты совершила обмен.

Ведьма ждала, склонив голову в ожидании. Наконец Цилла кивнула, и ведьма продолжила.

– Каждый раз, когда ты приходила ко мне, умоляя помочь твоей хрупкой болезненной матери, ты платила. – Она посмотрела на Роду мимо Циллы. – Твоя сестра в конце концов пожертвовала глазом, чтобы иметь возможность провести больше времени с матерью. – Взгляд ее золотых глаз резко вернулся к Цилле.

– Но даже этого было недостаточно, не так ли?

Цилла стиснула зубы и втянула носом воздух.

– Любовь к матери была слабостью. Мне нужно было оставаться сильным лидером для своего экипажа. Вместо этого моя слабость подвела их. Сейчас, когда многие сомневаются в нас, нам нужна сила как никогда. – Произнося свою речь, Цилла противилась желанию стянуть повязку с поврежденного глаза. – Мне нужна сила. – Ей необходимо было доказать Роде, что их бабушка сделала правильный выбор. Доказать самой себе.

– Вам, пиратам, всегда мало, – голос ведьмы зазвучал громче, эхом разносясь по маленькой хижине. – Вы все время берете, берете и берете, потому что стопки золотых монет никогда не будут слишком высокими, чтобы удовлетворить жадность, которая нагноилась внутри вас. Может, вы и не завоевываете земли как инцендианцы, но как скоро начнется и это, интересно?

Вены вздулись под кожей Циллы, волоски на руках встали дыбом.

– Я всегда была благодарна. И до сих пор благодарна за то, что ты сделала для моей матери. Если бы не ты и твоя магия, она умерла бы на много лет раньше.

Впервые Цилла попала на остров, когда ей было пятнадцать: у нее все время дрожали руки, пока она обменивала одну из сшитых ее матерью кукол на пузырек с мутной жидкостью, которая помогла бы укрепить мамины кости. Но эффект был временным. Каждый раз Цилле приходилось отдавать все больше.

– Тебе следовало просто дать ей уйти, Цилла Абадо из Макайи, – Ведьма Руин наклонилась вперед в своем кресле, упершись руками в колени. – Твоя жадность привела сюда еще одного капитана. Такого эгоистичного и жадного, что ветви деревьев сторонились его. Он пришел на мою землю со своим экипажем и забрал Борна.

Цилла помнила Борна. Красивый мальчик, который всегда умолял ее поиграть с ним, когда она навещала ведьму. Сейчас ему должно быть около тринадцати лет, и Цилле противно было думать о том, что нежного и доброго отпрыска ведьминской крови забрали против его воли.

– Я могла бы помешать им, – тихо сказала Ведьма Руин, будто раскрывала темную, но восхитительную тайну. – Я могла бы расплавить их плоть, а пепел от костей развеять по ветру. Это дорого мне обошлось бы, но я могла. Но, видишь ли, мне пришлось отдать Борна. Я видела его судьбу, и она ведет его на Перекрестие. – Ее голос дрогнул. – Я обладаю силой, которая позволяет мне творить удивительные вещи, но мне пришлось просто наблюдать, как они забирают того, кого я люблю. Знаешь, каково это?

– Я не знаю, на что это похоже, – ответила Цилла. – Но знаю, каково стоять в стороне не в силах помочь. – Она надеялась, что Ведьма Руин посочувствует объединившему их горю. – Иногда того, что мы делаем, недостаточно. Иногда судьба побеждает в извращенной игре жизни и смерти.

Глаза Ведьмы Руин снова вспыхнули при словах Циллы.

– Я читала твою судьбу с момента нашей последней встречи, Цилла. Если ты пойдешь по выбранному пути, то будешь вознаграждена.

– Вознаграждена? – Цилла вздернула бровь. – Как?

Ведьма Руин хлопнула по воздуху, и Цилла почувствовала сильный удар по щеке. Она закрыла рот и потерла щеку, а ведьма выдала порцию еще более загадочных слов.

– Ты не можешь узнать свою судьбу, чтобы не сбиться с пути, потому что четкого плана еще нет. Ты творишь свой собственный путь, делая самостоятельный выбор, и ты получишь ту награду, которую заслужила. Некоторые выбирают темные пути, как тот человек, что украл моего мальчика, его разум пленен темными желаниями. Судьба не будет благосклонна к нему.

– Кто это был? – спросила Цилла ледяным, как сталь, тоном.

– Доминик Роув.

Это имя не удивило ее, но одного упоминания было достаточно, чтобы ее обдало жаром изнутри.

– Ты уверена? Роув? – Цилла выплюнула его имя, как нечто дурное на вкус.

Этот мужчина был трусом. Откуда только он набрался столько наглости, чтобы ступить на Затерянный остров?

– Ты за дуру меня держишь? – ведьма вскинула голову.

– Зачем ему забирать Борна? – пробормотала Цилла. – Бессмыслица. Роува интересует только золото.

– Доминик Роув желает то, чего у него пока нет. Он может быть непорядочным человеком, но он так же холоден и расчетлив, как и все остальные. Он был одним из немногих, кто знал, что у Ратборна где-то в этом мире есть дочь.

– Дочь? – Глаза Циллы стали такими огромными, что она начала переживать, как бы они не выкатились из глазниц. На нее обрушилась реальность, скрывающая множество тайн. Цилла чувствовала, что Рода за ее спиной негодует, но волшебный кинжал, парящий у лица, заставляет ее молчать.

– Не просто дочь Ратборна, – зловещая улыбка расползлась по губам Ведьмы Руин. – А еще и дочь Женеьевы Шторм.

У Циллы внезапно пересохло в горле. Голос надломился, когда она заговорила.

– Это значит... Это же значит...

– Что она самая настоящая наследница со времен исконной династии Штормов.

– Но как? – вопросы неудержимо, как рвота, сорвались с губ Циллы. – Откуда ты знаешь? Кто еще знает?

Ведьма Руин пожала плечами.

– Я не знаю того, что знают другие. Я знаю только то, что нашептали мне деревья. Подойди ближе, Цилла. Я не хочу, чтобы ветер услышал следующие тайны и разнес по всему миру.

Цилла выпустила из рук столешницу деревянного стола, в которую незаметно для себя вцепилась, и шагнула вперед. Она вплотную подошла к ведьме и присела, глядя прямо в ее золотые глаза среди моря веснушек.

– Мир снова содрогается от огня и наступающей тьмы. Если это не остановить, то огонь и тьма поглотят нас всех. Церулия падет. Зловещий всепоглощающий огонь пробудился из-за девушки, и не остановится ни перед чем, пока не поглотит ее. Я читаю тебя изнутри. Я знаю истинную причину, по которой ты жаждешь трона. Но на карту поставлено слишком многое – трон должен достаться настоящей наследнице. Она нужна морям. А ты нужна ей.

– Я? – комната накренилась, а на лице Циллы выступил холодный пот. – Почему я?

Приглушенные крики Роды усилились, но ведьма и Цилла проигнорировали ее.

– По той же причине, по которой я помогала тебе с матерью. По той же причине твоя бабушка выбрала наследницей тебя. По той же причине я позволила тебе снова ступить на Затерянный остров. Считай это частью твоего судьбоносного пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.